Проф. П. И. Ковалевскій.

[illegible]

ОСНОВЫ ПСИХОЛОГІИ ЧЕЛОВѢКА.

Содержаніе:

1. Анатомическій механизмъ душевной дѣятельности.
2. Психофизіологія чувствъ.
3. Мыслительная жизнь человѣка.
4. Чувство и самочувствіе.
5. Двигательная область.

Рисунки.

Изданіе научно-литературнаго журнала
ВЕШНІЯ ВОДЫ
(Петроградъ. Фонтанка, 88. Тел. 682—68.).

Проф. П. И. Ковалевскій.

ОСНОВЫ
ПСИХОЛОГІИ ЧЕЛОВѢКА.

Съ многочисленными рисунками въ текстѣ.

Изданіе журнала
„ВЕШНІЯ ВОДЫ“.

ПЕТРОГРАДЪ,
1917.

Невская Типографія,
ПЕТРОГРАДЪ,
Торговая 13-15.
1917.

Основы

психологіи человѣка.

I

Анатомическій механизмъ душевной дѣятельности.

Самое высшее и интереснѣйшее проявленіе міровой жизни на землѣ — отправленія душевной жизни. Съ древнѣйшихъ временъ человѣкъ интересовался душою, какъ и нынѣ ни одинъ мыслящій человѣкъ не можетъ не подумать объ этомъ. Милліарды мыслящихъ людей думали надъ этой задачей и не нашли еще надлежащей разгадки. Душа осталась не уловимой, хотя отдѣльныя проявленія ея выясняются больше и больше, схватываются и наносятся на бумагу въ видѣ обыкновенныхъ и видимыхъ знаковъ.

Вопросъ сталъ проще и яснѣе, когда человѣкъ остановился на томъ положеніи, что душа, какъ и всякое явленіе, должна быть связана съ извѣстнымъ веществомъ, или съ извѣстнымъ состояніемъ міровой энергіи. И для нея, какъ для всякаго мірового проявленія, долженъ быть органъ. Такимъ органомъ у человѣка, какъ и у всѣхъ живыхъ существъ, служитъ нервная система.

Самый простой и непредубѣжденный взглядъ на факты жизни говоритъ намъ, что строеніе нервной системы неодинаково у различныхъ животныхъ. Оно является простѣйшимъ у простыхъ животныхъ и усложняется соотвѣтственно усовершенствованію ихъ организаціи; самымъ же совершеннымъ является у обезьянъ и человѣка. Если есть сравнительная анатомія, въ частности — сравнительная анатомія нервной системы, то точно также должна быть и сравнительная физіологія и психологія нервной системы. и нѣтъ ничего удивительнаго, ни оскорбительнаго въ томъ, что низшія животныя имѣютъ душу такую же, какъ и человѣкъ; только болѣе простую, соотвѣтствующую простотѣ организаціи ихъ центральной нервной системы. Мало того. Бываютъ случаи, когда мы приходимъ къ выводу, что душа низшаго животнаго, ягненка, или собаки, чище и пріятнее, чѣмъ душа иного прирожденнаго злодѣя и извращенной развратницы. Во всякомъ случаѣ, для насъ несомнѣнно, что душа есть отправленіе мозга и нервная система есть тотъ органъ, при посредствѣ коего она проявляется.

Поэтому, чтобы сколько нибудь понять проявленія душевной жизни и ея отправленій, нужно хотя слегка быть знакомымъ со строеніемъ нервной системы.

Вся нервная система дѣлится на двѣ важнѣйшія части: центральную систему и периферическую. Къ центральной нервной системѣ относятся головной и спинной мозгъ; къ периферической — всѣ тѣ нервные аппараты, которые находятся на внѣшней поверхно-

ети чѣловѣческаго тѣла, приходящей въ соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ,—и во внутреннихъ органахъ нашего тѣла.

При помощи наружныхъ аппаратовъ, главный органъ души получаетъ свѣдѣнія о внѣшнемъ мірѣ, — при помощи внутреннихъ концевыхъ аппаратовъ — о нашихъ внутреннихъ органахъ и состояніи всего нашего организма.

Не смотря, однако, на крайнюю сложность, какъ этихъ концевыхъ аппаратовъ, такъ и центральнаго органа, строеніе нервной системы очень просто. Она состоитъ изъ одного рода элементовъ — *нейроновъ*. Нейроны — это нервныя клѣтки, отдающія отъ себя отростки, которые затѣмъ превращаются въ нити или волокна, объединяющіяся вмѣстѣ въ видѣ пучковъ, составляющихъ въ дальнѣйшемъ теченіи *нервы*. Такимъ образомъ, если мы возьмемъ нервъ, то должны представить себѣ пучекъ нитей или волоконъ, на центральномъ концѣ которыхъ сидятъ тѣла ихъ клѣтокъ, изъ которыхъ эти волокна выходятъ. Прежде считали клѣтки и волокна отдѣльными элементами,— нынѣ принимается занесомнѣнное, что свободныхъ волоконъ нѣтъ, а всѣ эти нервныя волокона суть только продолженіе самыхъ клѣтокъ, вытянутыхъ въ длиннѣйшіе отростки.

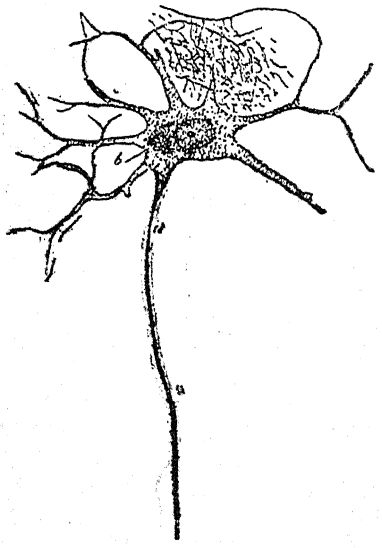


Рис. 1. Нейронъ. *a*—осевой отростокъ, *b*—дендритъ.

Нервныя клѣтки—микроскопическія тѣльца, очень разнообразной величины и формы. Чаще они имѣютъ продолговато-пирамидальную форму и состоятъ изъ протоплазматическаго тѣла, находящагося внутри его ядра и ядрышка, заключеннаго въ ядрѣ. Клѣтка состоитъ изъ оболочки, протоплазмы и зернышекъ. Отъ клѣтки отходятъ отростки, въ большинствѣ очень отличные одинъ отъ другого. Изъ основанія клѣтки отходятъ отростки, которые почти всегда имѣютъ оболочку и называются *осевыми* или *цилиндрическими отростками* или *аксонами*; другіе отростки отходятъ отъ верхушки клѣтки и съ боковъ, почти всегда безъ оболочекъ, почему называются *протоплазматическими отростками*: а такъ какъ, вслѣдствіе ихъ отхожденія, клѣтка принимаетъ видъ дерева съ вѣтвями и развѣтвленіями, то эти протоплазматическіе отростки стали называть дендритами. Повидимому, аксоны служатъ для сообщенія клѣтокъ съ внѣшнимъ міромъ и являются проводниками впечатлѣній отъ внѣшняго міра къ сознанію, или повелѣній (импульсовъ) отъ области сознанія къ внѣшнему міру; а дендриты—для общенія съ клѣтками нервной системы (сочетательная или ассоціаціонная система).

Прежде допускали, что дендриты одной клѣтки соединяются съ дендритами другихъ клѣтокъ и при посредствѣ этихъ соединеній

происходило общеніе или соединеніе клѣтокъ между собою (анастомозъ). Несомнѣнно, это общеніе происходитъ, только инымъ путемъ.

Это общеніе совершается, быть можетъ, путемъ контакта или соприкосновенія, быть можетъ, путемъ индукціи или наведенія, быть можетъ еще инымъ какимъ неизвѣстнымъ способомъ,—только не путемъ непосредственнаго анатомоза дендрита; съ этой стороны доказано, что и свободныхъ нервныхъ волоконъ нѣтъ, а эти волокна, соединяясь въ пучки, образуютъ нервы, входятъ въ спинной, или головной мозгъ и составляютъ рядъ проводниковъ центро — стремительныхъ, или центробѣжныхъ.

Всѣ спиномозговые нервы доходятъ до головного мозга при посредствѣ спинного мозга, всѣ черепные нервы идутъ въ головной мозгъ непосредственно.

Спинномозговыхъ нервовъ 31 пара, черепныхъ — 12 паръ. Изъ послѣднихъ особенно интересны для насъ обонятельный, зрительный слуховой, вкусовой и тройничный.

Спинной мозгъ является какъ самостоятельнымъ органомъ, такъ и передатчикомъ или проводникомъ нервныхъ волоконъ, начинающихся на поверхности тѣла и направляющихся къ черепнымъ центрамъ.

Спинной мозгъ представляетъ собой длинное веретенообразное тѣло, завернутое въ мягкую и твердую мозговыя оболочки и оканчивающееся вверху переходомъ въ продолговатый мозгъ въ области черепа, а внизу, проходя позвоночникъ, на границѣ 2 — 3 поясничныхъ позвонковъ, особенно нервнымъ пучкомъ, который носитъ названіе конскій хвостъ. Это длинное, почти цилиндрическое, тѣло вверху и внизу представляетъ два утолщенія, соотвѣтственно вхожденію въ него крупныхъ паръ нервовъ для верхнихъ и нижнихъ конечностей.

На поперечномъ разрѣзѣ спинной мозгъ представляетъ овальное тѣло, раздѣленное посединѣ, спереди назадъ, переднею и заднею щелями на двѣ симметричныя половины — правую и лѣвую.

Каждая изъ этихъ половинъ, двумя боковыми бороздками, переднею и заднею, раздѣлена на три продольныя части или пучка: передній, лежащій между переднею и переднею боковою бороздками, — боковой, лежащій между переднею боковою и заднею боковою бороздками и задній, лежащій между заднею боковою и заднею бороздками. Боковыя бороздки служатъ для проникновенія спинно-мозговыхъ нервовъ внутрь спинного мозга. Каждый спинно-мозговой нервъ, доходя до спинного мозга, образуетъ утолщеніе — узелъ, лежащій въ отверстіи между соприкасающимися позвонками, почему эти нервные узлы называются *межпозвоночными узлами*.

Вышедшіе изъ этаго утолщенія нервы дѣлятся на двѣ части — ножки или корешки. Передній корешокъ называется переднимъ или *двигательнымъ корешкомъ*, — задній — заднимъ или *чувствительнымъ корешкомъ*. Эти названія ясно обозначаютъ ихъ назначенія: передній корешекъ несетъ нервныя волокна, черезъ которыя проходятъ двигательные импульсы или повелѣнія головныхъ двигательныхъ центровъ къ периферіи—мускуламъ, какъ главнымъ органамъ движенія; чрезъ задній проникаютъ волокна, несущія чувствительнымъ центрамъ го-

ловного мозга впечатлѣнія міра, превращающіяся въ головномъ мозгу въ ощущеніе. Часть этихъ волоконъ, по вхожденіи въ спинной мозгъ, оканчивается въ сѣромъ веществѣ спинного мозга, — другая часть, проникши въ спинной мозгъ, проходитъ по длинѣ его до продолговатаго мозга, вступая въ его пирамидальные пути.

Разсматривая поперечный разрѣзъ спинного мозга, мы видимъ по срединѣ темное или сѣрое вещество, а по окружности — бѣлое вещество. *Сѣрое вещество* состоитъ изъ нервныхъ клѣтокъ и поддерживающей или соединяющей ихъ соединительной ткани *неироглія*, — *бѣлое вещество* состоитъ изъ нервныхъ волоконъ. Впереди разрѣза сѣрое вещество образуетъ два *переднихъ рога*, — сзади — два *заднихъ рога*. Передніе рога содержатъ въ себѣ группы очень большихъ, замѣтныхъ при помощи лупы, клѣтокъ; задніе содержатъ группы малыхъ клѣтокъ. Большія клѣтки служатъ центрами двигательныхъ и питательныхъ нервовъ, — заднія — чувствительныхъ нервовъ. Пораженія большихъ клѣтокъ переднихъ роговъ влекутъ за собою у даннаго лица параличи и иногда разстройства питанія мускуловъ, костей и кожи, — пораженія малыхъ клѣтокъ заднихъ роговъ влекутъ за собою нечувствительность тѣхъ частей тѣла, клѣточные центры которыхъ поражены.

Бѣлое вещество спинного мозга, расположенное снаружи, вокругъ сѣраго вещества, на каждой сторонѣ, состоитъ изъ трехъглавныхъ пучковъ нервныхъ волоконъ, расположенныхъ между бороздками. Эти пучки кромѣ того дѣлятся на отдѣльныя части, каждая изъ которыхъ имѣетъ свое служебное назначеніе. Я укажу только на слѣдующія важныя для насъ группы пучковъ: передніе пучки — вдоль передней бороздки, проводящіе двигательныя волокна отъ головного мозга черезъ пирамиды, не перекращиваясь въ нихъ, — заднюю часть боковыхъ пучковъ, прилегающую къ задней боковой бороздкѣ, большая часть которыхъ перекрещивается въ пирамидахъ продолговатаго мозга и несетъ волокна отъ центральныхъ извилинъ, служащія для проведенія импульсовъ для произвольныхъ движеній, — и задніе пучки, лежащіе между заднею боковою и заднею бороздками, служащіе для проведенія чувствительныхъ раздраженій отъ поверхности тѣла къ сознательнымъ центрамъ головного мозга, — эти пучки также перекрещиваются въ продолговатомъ мозгу.

Кромѣ того въ спинномъ мозгу въ сѣромъ веществѣ заложены центры растительной жизни организма: отправленій кишечника, желудка, мочевого пузыря, рефлексовъ и проч.; а въ бѣломъ веществѣ — нервныя волокна, служащія приводомъ и отводомъ этихъ отправленій.

Головной мозгъ — органъ души и центральный органъ всѣхъ отправленій человѣческаго организма. Душевная дѣятельность весьма сложна и состоитъ изъ множества душевныхъ проявленій или единицъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свой центръ въ головномъ мозгу. Центры эти заложены въ сѣромъ веществѣ, которое въ головномъ мозгу расположено частію снаружи, широкимъ плащомъ, облегающимъ все внутреннее содержимое въ видѣ плаща или мантіи, — частію внутри — въ видѣ отдѣльныхъ симметрично расположенныхъ узловъ.

Головной мозгъ, по вынутіи его изъ черепной коробки и окутывающихъ его оболочекъ, сверху имѣетъ видъ шара, раздѣленнаго

продольной бороздой спереди назадъ или отъ лобной доли до конца затылочной, на двѣ равныя симметричныя части — *полушарія*, правое и лѣвое. Если сверху раздвинуть эти полушарія, то оказывается, что они соединены поперечною спайкою, въ видѣ бѣлаго валика, *мозолистымъ тѣломъ*. Все сѣрое вещество поверхности мозга состоитъ изъ колбасовидныхъ полосокъ, весьма причудливо извитыхъ по всей поверхности, — *извилинъ*, отдѣленныхъ другъ отъ друга щелями или *бороздками*. На первый взглядъ, какъ бороздки, такъ и извилины, такъ причудливо расположены, что въ нихъ трудно разобраться. Однако, внимательно всматриваясь, видимъ, что онѣ на обѣихъ сторонахъ одинаково расположены. Слѣдовательно, онѣ подчинены какому-то порядку. А такъ какъ эти бороздки и извилины расположены одинаково почти у всѣхъ нормальныхъ людей, то онѣ, повидимому подчинены и одному закону. Для лучшаго пониманія и изученія, разсмотримъ сначала расположеніе бороздокъ, — тогда само собою выяснится и расположеніе извилинъ.

Возьмемъ одно полушаріе (рис. 2). По срединѣ его сверху внизъ идетъ косо, справа налѣво, борозда (*ц*)—это *центральная борозда*. Она лежитъ по срединѣ центральной лольки, дѣля ее на двѣ, лежащія по бокамъ извилины (*III*)—*первую и вторую центральныя извилины*. Впереди первой извилины лежитъ еще одна бороздка, идущая почти параллельно центральной (*п ц*) — *прецентральная* бороздка, она отдѣляетъ первую центральную извилину отъ впереди лежащей части мозга — *лобной дольки* и часто состоитъ какъ бы изъ двухъ частей или прерванной по срединѣ бороздки.

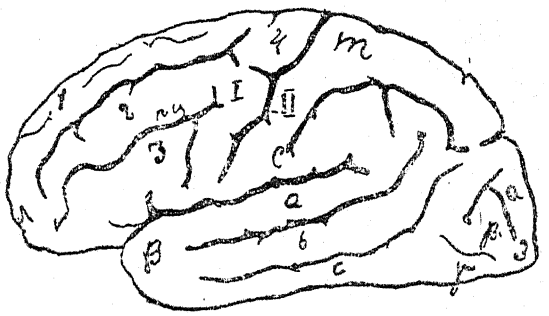


Рис. 2. Извилины и борозды мозгового полушарія.

На лобной долькѣ (*л*) мы видимъ двѣ черты или двѣ бороздки — *лобныя бороздки*, идущія въ продольномъ направленіи по полушарію, подъ угломъ къ прецентральной бороздкѣ и дѣлящія лобную дольку на *три лобныя извилины*, считая сверху внизъ: первую (*1*), вторую (*2*) и третью (*3*) или извилину Брока, по имени знаменитаго ученаго Брока, открывшаго въ задней части ея центръ рѣчи.

Ниже центральной борозды, почти горизонтально, слѣва направо, вправо поднимаясь вверхъ, проходитъ Сильвіева борозда (*С*), отдѣляющая центральную дольку отъ ниже лежащей горизонтальной *височной дольки* (*В*). Эта височная долька двумя параллельно Сильвіевой бороздкѣ идущими бороздками дѣлится на три извилины, съ верху внизъ: первую (*а*), вторую (*b*) и третью (*с*) височными извилины.

Надъ верхушками Сильвіевой и первой височной бороздъ проходитъ дугообразно сверху внизъ борозда темянная, раздѣляющая на двѣ части или *темянныя извилины* темянную дольку мозга (*т*); нако-

нецъ, сзади и внизу лежатъ три затылочныя извилины (α β γ), составляя затылочную дольку (3)

Такимъ образомъ, посредствомъ бороздокъ, называемыхъ типичными и неизмѣнными, потому что онѣ у всѣхъ людей расположены одинаково, все полушаріе мозга дѣлится на лобную, центральную темянную, височную и затылочную дольки.

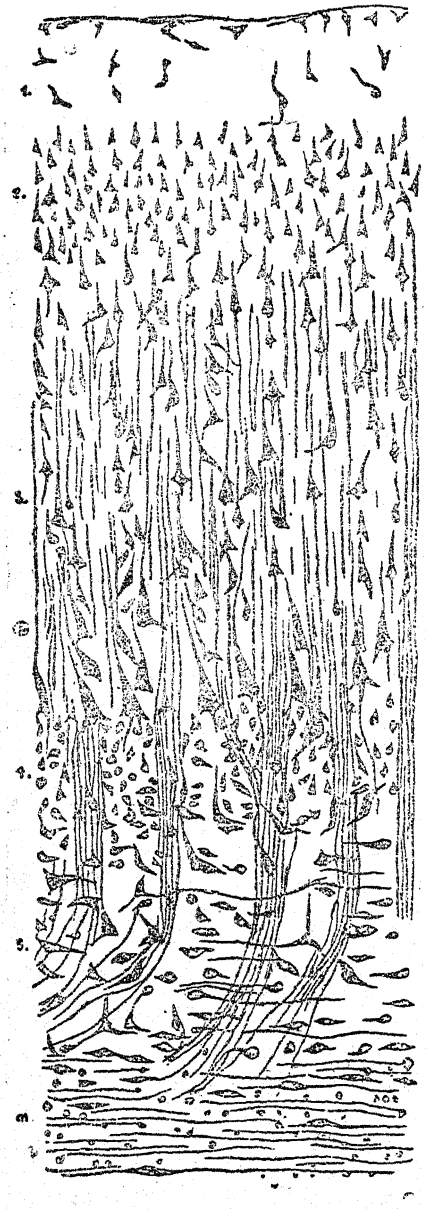


Рис. 3. Микроскопическое строеніе.

Кромѣ типичныхъ бороздокъ на поверхности мозга мы видимъ еще непостоянныя, какъ на лобной долькѣ, которыя могутъ быть, или не быть,—располагаются одинъ разъ такъ, другой разъ иначе,—почему ихъ назначеніе до сихъ поръ невыяснено.

На внутренней поверхности, а также и на нижней, тоже существуютъ борозды и извилины, но онѣ для насъ имѣютъ пока меньшее значеніе.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о тончайшемъ микроскопическомъ строеніи мозговой коры. Она состоитъ изъ *нейроновъ* и соединительной ткани—*нейроглія*. Образцомъ строенія коры принимается типъ, указанный проф. Мейнертомъ для центральной дольки. Здѣсь различаютъ пять слоевъ нейроновъ или нервныхъ клѣтокъ: первый или самый наружный слой состоитъ преимущественно изъ нейроглія и рѣдко разбросанныхъ *нервныхъ клѣтокъ*, преимущественно *треугольной* и *веретенообразной формы*,—второй слой—слой *малыхъ пирамидъ*, очень густо скученныхъ,—третій слой—слой *большихъ пирамидъ*, при чемъ количество клѣтокъ меньше, за то сами клѣтки больше, а иногда попадаются и *гигантскія клѣтки*, найденныя въ центральной долькѣ кіевскимъ проф. Бецомъ и напоминающія собою двигательныя клѣтки переднихъ роговъ спинного мозга, здѣсь же большое количество аксоновъ, идущихъ отъ клѣтокъ второго и третьяго слоя и образующихъ уже цѣлые пучки,—четвертый слой — *слой зернистый*, состоящій изъ круглыхъ и треугольныхъ клѣтокъ,—и пятый—слой неправильныхъ веретенообразныхъ клѣтокъ. Въ послѣднихъ двухъ слояхъ, которые

иные авторы считаютъ за одинъ слой, пучки аксоновъ и дендритовъ особенно рѣзко выражены и направляются частію въ проводниковые пути, частію въ соединительные, — почему они проходятъ какъ сверху внизъ, такъ и поперечно.

Такимъ образомъ, въ первомъ слоѣ мозговой коры мы находимъ нейроглію, множество нервныхъ волоконъ, состоящихъ частію изъ отростковъ, заложенныхъ здѣсь нервныхъ клѣтокъ, частію изъ дендритовъ нижележащихъ клѣтокъ, очень небольшого числа аксоновъ, заходящихъ сюда изъ второго и третьяго слоя отъ пирамидальныхъ клѣтокъ, даже изъ волоконъ, идущихъ сюда центространительно изъ периферіи, и небольшого числа нервныхъ клѣтокъ. Иногда нервныя клѣтки этого слоя имѣютъ веретонообразную форму и отпускаютъ отъ себя какъ бы два аксона. Повидимому, эти клѣтки служатъ посредниками между клѣтками нижележащими и какъ бы соединительными станціями и узлами.

Пирамидальныя клѣтки, какъ малыя, такъ и большія, въ огромномъ большинствѣ расположены верхушкой вверхъ, основаніемъ — внизъ. Дендриты, выходящіе изъ верхушки, направляются въ первый слой и здѣсь теряются въ массѣ другихъ волоконъ; боковые дендриты то поднимаются вверхъ, то образуютъ сплетенія въ сосѣднихъ слояхъ. Аксоны пирамидъ, стоящихъ отвѣсно, идутъ внизъ и образуютъ продольные пучки; но есть пирамидальныя клѣтки, расположенныя основаніемъ вверхъ, — аксоны такихъ пирамидъ, повидимому, направляются въ первый слой. Клѣтки четвертаго и пятаго слоевъ расположены неправильно, при чемъ ихъ аксоны идутъ то въ продольномъ, то въ горизонтальномъ направленіяхъ.

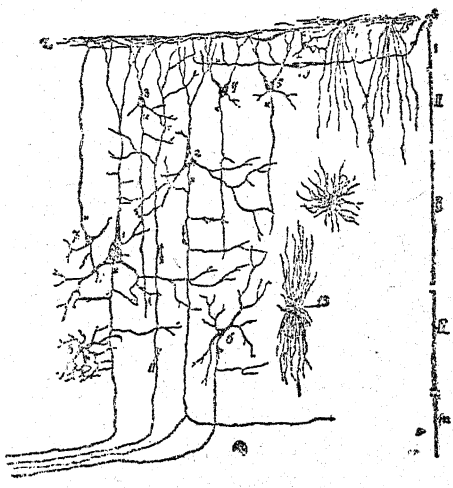


Рис. 4. Полусхематическое изображеніе проводниковыхъ волоконъ и нейроновъ коры мозга.

Нѣкоторые авторы полагаютъ, что большіе пирамидальные нейроны устроены по типу двигательныхъ клѣтокъ переднихъ роговъ спинного мозга, а малые — по типу чувствительныхъ клѣтокъ заднихъ роговъ. Какъ утверждать, такъ и отрицать это положеніе въ настоящее время довольно мудрено.

По срѣзѣ въ горизонтальномъ направленіи мозговой коры и соединительныхъ ея частей вверху, мы открываемъ подкорковые узлы: зрительные бугры, полосатыя тѣла, четверохолміе и т. д.

Эти подкорковые узлы состоятъ частью изъ сѣраго вещества — нервныхъ клѣтокъ, частью изъ бѣлаго вещества — нервныхъ волоконъ. Эти узлы сѣраго вещества имѣютъ то важное значеніе, что служатъ промежуточными станціями между периферіею организма и мозговою коркою — центромъ сознательной душевной дѣятельности. Въ самой

душевной жизни человѣка они играютъ весьма важную роль, служа, главнымъ образомъ, органомъ безсознательныхъ воспріятій, бозсознательныхъ импульсовъ, безсознательной дѣятельности мышленія, галлюцинацій и проч.

Бѣлое вещество мозга состоитъ изъ нервныхъ волоконъ — аксоновъ и дендритовъ, служащихъ для проведенія впечатлѣній и настроеній отъ воспріятій тѣла и органовъ нашего организма центростремительно къ органу сознанія — мозговой коркѣ, для проведенія импульсовъ отъ мозговой коры и подкорковыхъ центровъ къ периферіи и для соединенія отдѣльныхъ частей мозговой коры между собою. Такъ образуется общеніе центровъ сознанія съ внѣшнимъ міромъ и своею собственною лабораторіею. Система волоконъ, служащихъ для проведенія ощущеній и двигательныхъ импульсовъ, образуетъ вѣдомство *проводящихъ путей*; система волоконъ, служащая для общенія частей мозга между собою — составляетъ систему *соединительныхъ путей*.

Проводниковые пути составляютъ также два отдѣла: отдѣлъ волоконъ, проводящихъ къ центру сознанія различныя свѣдѣнія и впечатлѣнія — отдѣлъ *чувствительныхъ проводниковыхъ путей* или центростремительный; и отдѣлъ проведенія импульсовъ отъ центра къ периферіи—отдѣлъ центробѣжный или *двигательныхъ путей*. Такъ какъ центры двигательные и чувствительные въ мозговой корѣ заложены не въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, то и исходные пункты нервныхъ волоконъ, идущихъ къ периферіи, а равно и пути ихъ слѣдованія будутъ не одинаковы.

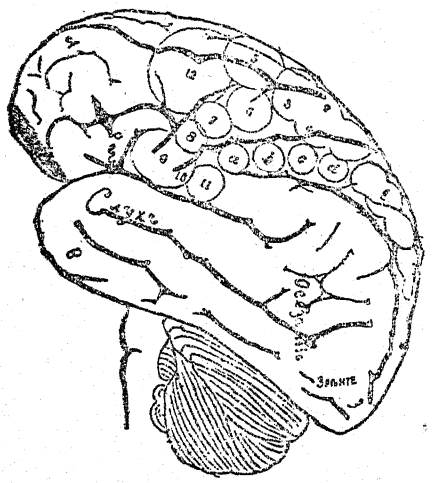


Рис. 5. Расположеніе корковыхъ центровъ.

Здѣсь я позволю себѣ привести схематическій рисунокъ расположенія центровъ въ мозговой корѣ. Считая цифры по порядку, мы имѣемъ центры нижнихъ конечностей (ходьбы), верхнихъ конечностей и туловища (1, 2, 3, 4, 5, 6), центры мускуловъ рта (7), носа (8), губъ и языка (9, 10, 11), глазъ (12), пальцевъ рукъ (a, b, c, d). Изъ этихъ центровъ начинаются двигательныя волокна и идутъ къ периферіи къ своимъ органамъ. Въ темянной области расположены центры ося занія и мускульнаго чувства, въ затылочной—центры зрѣнія, въ височной—слуха. Отсюда идутъ чувствительныя волокна и направляются къ своимъ центрамъ.

Этотъ очень длинный путь проводниковой системы отъ корки до периферіи дѣлится въ своемъ теченіи на три отдѣла, встрѣчая на пути станціи или узлы, въ которыхъ проводниковыя волокна входятъ въ сношеніе (путемъ контакта, или инымъ пособомъ) съ заложенными тамъ нервными клѣтками. Такими станціями или узлами для чувствительныхъ проводниковъ служатъ зрительные бугры

и четверохолміе, — а для двигательныхъ путей частію зрительные бугры, частію полосатое тѣло. Вторыми станціями служатъ сѣрые узлы продолговатаго и спинного мозга. Такимъ образомъ первый отдѣлъ проводниковыхъ волоконъ идетъ отъ корки и до подкорковыхъ узловъ; второй — отъ подкорковыхъ узловъ до узловъ продолговатаго мозга и сѣраго вещества спинного мозга и третій — отъ послѣднихъ узловъ до периферическихъ окончаній.

Во второмъ отдѣлѣ какъ чувствительные, такъ и двигательные проводники проходятъ мозговою ножкою, при чемъ чувствительные пути въ верхнемъ этажѣ, а двигательные — въ нижнемъ.

Прослѣдимъ слегка за направленіемъ этихъ путей. Внѣшнее раздраженіе воспринимается нервными аппаратами, заложенными въ кожѣ и наружныхъ слизистыхъ оболочкахъ. Отсюда оно проводится аксономи, образующими нервы къ спинному мозгу. Вблизи спинного мозга это раздраженіе проникаетъ черезъ межпозвоночный узелъ въ задній корешокъ, а оттуда часть волоконъ идетъ въ задній рогъ сѣраго вещества спинного мозга, а другая часть непосредственно въ продолговатый мозгъ. Это одинъ отдѣлъ чувствительнаго проводниковаго пути. Въ виду тѣсной связи клѣтокъ задняго рога чувствительнаго спинного мозга съ передними двигательными рогами, уже здѣсь получается возможность возникновенія отвѣта или реакціи на проведенное извнѣ раздраженіе, въ видѣ мускульнаго сокращенія въ области возникновенія чувствительнаго раздраженія. Такое мускольное сокращеніе или безсознательное движеніе называется *рефлексомъ*. Изъ сѣраго вещества спинного мозга чувствительныя волокна задними пучками проходятъ до продолговатаго мозга, здѣсь въ пирамидахъ перекрещиваются, поднимаются къ мозговой ножкѣ и проходятъ черезъ ея верхній этажъ—покрышку. На этомъ пути большая часть волоконъ приходитъ въ сочетаніе съ подкорковыми узлами ядрами сѣраго вещества продолговатаго мозга, оливами, зрительными буграми, четверохолміемъ и чечевичнымъ тѣломъ. Это будетъ второй отдѣлъ чувствительной проводниковой системы. Отъ корковыхъ узловъ начинается третій отдѣлъ, при чемъ волокна проходятъ внутреннюю капсулу или сумку, входятъ въ лучистую корону и достигаютъ своихъ корковыхъ центровъ въ темянной долѣ.

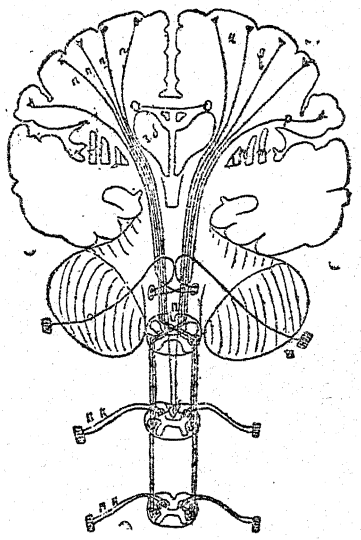


Рис. 6. Проводниковые пути изъ спинного мозга въ корку головного мозга.

Таковъ общій путь чувствительныхъ нервовъ, за исключеніемъ зрительнаго и обонятельнаго. Кромѣ того слуховые пути въ конечномъ своемъ отдѣлѣ направляются къ височной долькѣ, гдѣ они и располагаются вблизи центра рѣчи. Путь зрительнаго нерва таковъ:

сѣтчатка глаза, зрительный нервъ, неполный перекрестъ въ chiasma nervorum opticorum, зрительный путь, колѣнчатое наружное тѣло и передніе дольки четверохолмія и, наконецъ, зрительные пучки, направляющіеся къ затылочной долькѣ.

Обонятельная система начинается концевыми аппаратами слизистой оболочки, идетъ обонятельнымъ нервомъ до обонятельной луковицы, повидимому имѣетъ связь съ зрительнымъ бугромъ и оканчивается въ височной долѣ и Аммоніевомъ рогѣ.

Центробѣжный отдѣлъ проводниковаго пути или пучки, передающіе импульсы произвольныхъ движеній, начинаются въ центральной долькѣ *(Ц)*, въ сѣромъ веществѣ центральныхъ извилинъ,— отсюда пучки лучистой короны *(n, n, n, n,)* направляются во внутреннюю капсулу между зрительными буграми *(з б)* и чечевичнымъ тѣломъ *(чч)*. Здѣсь они повидимому входятъ въ соотношеніе съ зрительными буграми *(р. б)* и чечевичными тѣлами. Это первый отдѣлъ двигательнаго проводящаго пути. Изъ внутренней капсулы пучки направляются въ нижнюю часть мозговой ножки и пирамидальные пути *(п)*, гдѣ часть этихъ волоконъ производитъ перекрестъ, направляется въ боковые пучки спинного мозга противоположной стороны, другая часть идетъ въ боковые пучки спинного мозга той же стороны и третья часть, не перекрещиваясь, направляется въ передніе пучки спинного мозга той же стороны. Это второй отдѣлъ двигательныхъ проводниковыхъ путей. Отсюда нервныя волокна проходятъ въ нервный корешокъ *(н к)* спинного мозга и черезъ междупозвоночный узелъ въ нервы до мѣста окончанія ихъ въ подлежащихъ мускулахъ. Это третій отдѣлъ двигательной системы.

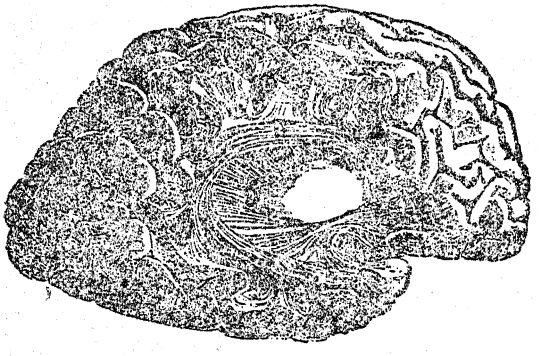


Рис. 7. Соединительные пучки.

Сочетательные пути начинаются и оканчиваются въ полушаріяхъ самого мозга и не выходятъ вонъ изъ мозга. Они служатъ для соединенія отдѣльныхъ частей полушарія между собою и взаимнаго соотношенія полушарій одного съ другимъ.

Сочетательная система состоитъ изъ трехъ частей: первая соединяетъ ближайшія извилины одной и той же дольки—это *дугообразныя волокна (Д)*,—вторая соединяетъ отдѣльныя дольки того же полушарія—*соединительная система (А)* или ассоціаціонные пути,—и третья соединяетъ симметричныя части обѣихъ полушарій — *сочетательныс* коммисуріальные *пути (К)*, куда относятся мозолистое тѣло, спайки и проч. Дугообразныя соединительныя волокна *(р. 7)* соединяютъ рядомъ и близъ лежащія извилины одной и той же дольки Эти волокна идутъ отъ верхушки извилинъ внизъ, огибаютъ бороздку и

направляются къ другой извилинѣ, образуя, такимъ образомъ, дугу выпуклостью внизъ тѣ, волокна, кои соединяютъ сосѣднія извилины, лежатъ наиболѣе поверхостно; соединяющія болѣе отдаленныя извилины—лежатъ глубже и будутъ длиннѣе поверхностныхъ.

Соединительные или ассоціаціонные *пучки (р. 8 и 9)* представляютъ собою уже длинную систему волоконъ и соединяютъ между собою отдѣльныя дольки полушарія. Между ними первое мѣсто занимаетъ поясной пучокъ (*р. 7 П*), соединяющій дольки лобную *(Л)*, темянную *(Т)*, затылочную *(З)* и височную *(В)*; затѣмъ длинный нижній пучокъ Бурдаха *(р. 8)*, соединяющій височную и затылочную дольки. Затѣмъ существуетъ еще дугообразный пучекъ, соединяющій лобную долю съ височною преимущественно въ области центра рѣчи. Такимъ образомъ проф. Мейнертъ [1]) совершенно правъ, говоря, что вся совокупность извилинъ средней поверхности передняго мозга и всѣ извилины выпуклой поверхности его вступаютъ въ самыя всесторонія взаимныя соединенія.

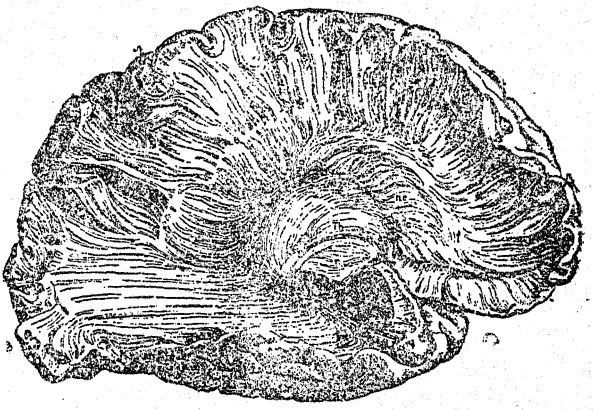


Рис. 8. Соединеніе височной и затылочной долекъ.

Сочетательная или коммисуріальная *система волоконъ* состоитъ изъ мозолистаго тѣла (*М Т*), спаекъ или коммисуръ (*п с*) и тѣхъ перекрестовъ, которые образуются въ области четверохолмія, Вароліева моста и проч.

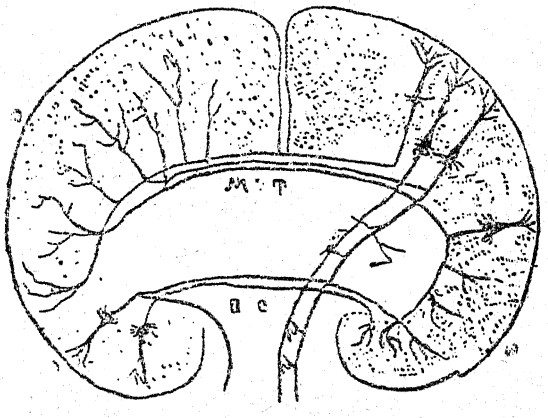


Рис. 9. Сочетательная система волоконъ.

Рисунокъ 9 представляетъ собою схему соединенія сочетательными волокнами—вверху, посредствомъ мозолистаго тѣла, а внизу—передней спайки, обоихъ мозговыхъ полушарій; кромѣ того здѣсь же схематически представленъ ходъ проводниковъ двигательныхъ волоконъ, идущихъ отъ двигательныхъ клѣтокъ сѣраго вещества центральныхъ извилинъ къ периферіи.

Въ виду тѣснаго соединенія, какъ отдѣльныхъ частей полушарія, такъ и

[1]) *Мейнертъ.* Психіатрія, т. I, стр. 55.

особыхъ полушарій между собою, можно сказать, что сочетаніе любой точки мозговой поверхности съ другими мѣстами полушарій вполнѣ обезпечено, какъ путемъ прямыхъ сообщеній, такъ и путемъ побочныхъ, въ случаѣ заторможенія того или другого мѣста прямого пути какимъ-либо случайнымъ, или патологическимъ процессомъ.

При помощи проводящихъ путей и соединительныхъ волоконъ, наше сознаніе въ каждый данный моментъ нашей жизни можетъ имѣть точныя свѣдѣнія объ окружающемъ насъ мірѣ и точныя свѣдѣнія о состояніи нашего собственнаго организма, оно можетъ представлять въ любой моментъ любую картину извѣстнаго намъ прошлаго и создать взгляды и предположенія на будущее.

Это тотъ механизмъ, при помощи котораго наша душа живетъ и сознательно дѣйствуетъ.

II.

Психофизіологія чувствъ.

Въ настоящее время трудно сомнѣваться въ томъ, что органомъ души является нервная система, преимущественно же головной мозгъ *). Но мы знаемъ, что душевная дѣятельность — явленіе необыкновенно сложное. Для того, чтобы его удобнѣе изучить, душевныя проявленія дѣлятъ на три области: область познавательную или органовъ чувствъ, область мыслительную и область произвольныхъ движеній. Вотъ и желательно теперь знать: какая изъ указанныхъ нами частей центральной и периферической системы служитъ для проявленія той или другой области душевной дѣятельности, — или иначе, въ какой части нервной системы помѣщается и сосредоточивается то или другое отправленіе?

Начнемъ съ области чувствъ. Проявителемъ чувствительной или познавательной области служатъ органы чувствъ. Чувствительная область распадается на нѣсколько отдѣловъ, въ зависимости отъ различія проявленія ея оттѣнковъ. Это будутъ чувства зрѣнія, слуха, вкуса, обонянія, осязанія и мускульнаго чувства. Органами для нихъ служатъ: глазъ, ухо, слизистая оболочка носа, слизистая языка и неба, кожа, нѣкоторыя слизистыя оболочки и мускулы.

Каждый изъ этихъ органовъ состоитъ изъ трехъ частей: наружнаго окончанія или периферіи, проводника и центра. *Конечная часть* органа служитъ для воспріятія воздѣйствія на нашъ организмъ внѣшнихъ раздраженій. *Проводникъ*—нервъ служитъ для передачи внѣшнихъ воздѣйствій, отпечатковъ, впечатлѣній центру органа чувства, а самый *центръ* превращаетъ въ себѣ воспринятое конечнымъ или концевымъ аппаратомъ впечатлѣніе въ ощущеніе.

Мы знаемъ, что концевая часть каждаго аппарата органа чувства состоитъ изъ особенныхъ, каждому органу чувства присвоенныхъ, окончаній нерва, при помощи которыхъ данный органъ способенъ воспринять только это, а не другія раздраженія и впечатлѣнія со стороны окружающихъ насъ предметовъ. Благодаря этой особенности

*) *Проф. П. И. Ковалевскій.* Міроздаліе.

окончанія нервовъ, глазъ можетъ воспринимать только свѣтовыя впечатлѣнія, ухо можетъ воспринимать только звуковыя колебанія и не отвѣчать на свѣтовыя и т. д.

Такимъ образомъ, воздѣйствіе предметовъ внѣшняго міра на наши органы чувствъ есть *раздраженіе*. Это воздѣйствіе можетъ совершаться внѣ насъ и внутри насъ. Картина, мелодія, запахъ розы, щекотанье и конфекты — раздраженія, стоящія внѣ нашего организма, — проглоченная дурная пища, вызывающая въ желудкѣ боль и тошноту, — слишкомъ большое количество мочи въ мочевомъ пузырѣ, вызывающее позывъ на мочеотдѣленіе и проч. — раздраженія, происходящія внутри нашего организма. Предметы, дѣйствующіе на концевые аппараты органовъ чувствъ, называются *раздражителями*. Воздѣйствіе этихъ раздражителей на концевыя нервные аппараты называется *раздраженіемъ*. Способность концевыхъ нервныхъ окончаній органовъ чувствъ приходитъ въ состояніе возможности воспріятія этихъ раздраженій называется *раздражимостью*. Наконецъ, такое измѣненіе въ нервныхъ концевыхъ элементахъ, при которомъ происходитъ воспріятіе этими органами раздраженія и его закрѣпленіе носитъ названіе *впечатлѣнія*. Итакъ, *впечатлѣніе есть воспріятіе концевыми нервными аппаратами органовъ чувствъ этихъ внѣшнихъ раздраженій, которыя въ тотъ или другой моментъ на нихъ вліяютъ*.

Этотъ процессъ не есть нѣчто нематеріальное или отвлеченное. Этотъ процессъ воспріятія есть простое физическое воздѣйствіе, со всѣми его матеріальными измѣненіями. Такъ, свѣтовыя раздраженія дѣйствуютъ на сѣтчатку точно также, какъ они дѣйствуютъ и на пластинку фотографическаго аппарата, производя въ сѣтчаткѣ такія же химическія измѣненія, какъ и на фотографической пластинкѣ, которыя могутъ быть закрѣплены и доказаны надлежащею обработкой.

Но не всякое воздѣйствіе міра оставляетъ по себѣ отпечатки на концевыхъ аппаратахъ органовъ чувствъ. Для образованія впечатлѣнія требуется три главныхъ условія: извѣстная степень напряженія, воздѣйствующаго на концевые аппараты, раздраженія, — способность органа къ воспріятію его и достаточный періодъ воздѣйстія или вліянія. Послѣднія два условія болѣе или менѣе постоянны и даютъ небольшія колебанія, тогда какъ первый дѣятель колеблется.

Раздражитель можетъ воздѣйствовать на периферію того или другого органа весьма различно. Допустимъ, что это былъ звукъ. Звуковыя колебанія находятся количественно въ весьма широкихъ границахъ, но не всякое число колебаній звучащаго тѣла способно воспринимать наше ухо. Существуютъ извѣстныя границы, ни больше которыхъ, ни меньше которыхъ наше ухо воспринимать не можетъ. Тоже можно сказать и относительно напряженности раздраженій свѣта, вкуса и проч. Нашъ глазъ способенъ воспринимать раздраженія только извѣстнаго напряженія, границы котораго физіологія болѣе или менѣе точно опредѣлила и опредѣляетъ; все, что стоитъ выше и ниже этого раздраженія, не воспринимается нашими органами чувствъ. Слѣдовательно, первое условіе для образованія впечатлѣнія требуется, чтобы его раздражитель и его воздѣйствія стояли въ извѣстныхъ границахъ и извѣстной физіологической напряженности.

Второе условіе для правильнаго образованія впечатлѣнія — это, чтобы органъ былъ въ тотъ моментъ способенъ къ воспріятію, т. е. чтобы онъ не былъ предварительно утомленъ работою, чтобы другіе органы чувствъ въ это время не слишкомъ работали, не отвлекали бы вниманія даннаго лица къ другимъ раздраженіямъ, а еще лучше, чтобы они дѣйствовали въ одномъ направленіи съ этимъ органомъ и помогали ему. Третье условіе правильнаго образованія впечатлѣнія — извѣстный кратчайшій періодъ вліянія раздраженія на периферію органа. Если этотъ періодъ вліянія будетъ короче положеннаго, то образовавшееся впечатлѣніе будетъ недостаточнымъ, неяснымъ.

Изъ этого общаго положенія могутъ быть исключенія, обусловливаемыя наслѣдственностію и приспособленіемъ. Такъ, лица, постоянно живущія въ лѣсахъ, занимающіяся охотою и ловлею звѣрей, особенно если эта жизнь идетъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, пріобрѣтаютъ способность очень обостреннаго зрѣнія и слуха. Существуетъ во Франціи и другихъ странахъ классъ густатеровъ, которые по вкусу вина точно опредѣляютъ: какого оно года, какихъ виноградниковъ, какія въ немъ примѣси и пр. Такіе же оцѣнщики существуютъ и для употребленія свойствъ табака путемъ обонянія. Шулера такъ развиваютъ у себя осязаніе, что, при сдачѣ картъ, осязаніемъ свободно опредѣляютъ кому идутъ какія карты. Такимъ образомъ, путемъ настойчиваго упражненія, легко можно развить, усовершенствовать и обострить область воспріятія и тѣмъ увеличить количество впечатлѣній и расширить область знаній.

Образовавшееся впечатлѣніе на периферіи органа чувствъ не остается здѣсь на мѣстѣ, а передается нервами къ центрамъ органа чувствъ, заложеннымъ въ подкорковыхъ узлахъ. Нервы, передающіе эти впечатлѣнія центру, носятъ названіе *проводниковъ*. Способность нервовъ проводить эти впечатлѣнія къ центру носитъ названіе *проводимости*. Значеніе этой части нервной системы пассивное. Ея роль — простая передача. Дѣятельнаго участія ея въ образованіи ощущеній, при нормальномъ отношеніи частей, повидимому, нѣтъ.

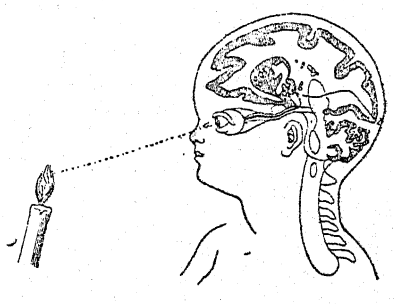
Третій отдѣлъ чувственной области — это центры, гдѣ внѣшнія раздраженія, полученныя въ видѣ впечатлѣнія периферіей органа и переданныя проводникомъ къ этому внутреннему окончанію нерва, превращаются въ *ощущенія*.

Такимъ образомъ обязанности и назначеніе конечной части органовъ чувствъ воспринимать воздѣйствія внѣшняго міра на насъ, — проводника — передавать ихъ главному чувствительному центру и центра — принимать эту передачу и перерабатывать переданное въ ощущеніе.

Центры ощущеній будутъ въ тоже время и мѣстомъ окончаній органовъ чувствъ. Всѣ эти центры будутъ подкорковыми центрами. Усвоеніе и переработка впечатлѣнія периферіи органа этими центрами будетъ ощущеніе. Такимъ образомъ ощущеніе есть дѣятельность подкорковыхъ узловъ. Ощущеніе будетъ тѣмъ ярче и отчетливѣе, чѣмъ продолжительнѣе и чаще будетъ это впечатлѣніе. Оно будетъ рѣзче при свѣжести воспринимающаго органа и когда онъ не утомленъ. Точно также ощущеніе будетъ рѣзче, если вниманіе не отвлекается

другими раздраженіями. Оно будетъ полнѣе, если данное ощущеніе сочетается съ ощущеніями со стороны другихъ органовъ чувствъ о томъ же предметѣ. Отчетливо будетъ, напр., ощущеніе о видѣнномъ лицѣ, если при этомъ вниманіе не будетъ отвлекаться другими предметами, — но еще рѣзче оно будетъ, если мы будемъ не только видѣть человѣка, но и слышать его голосъ.

Пути для проведенія этихъ впечатлѣній къ центрамъ органовъ чувствъ слѣдующіе: зрительныя впечатлѣнія воспринимаются сѣтчаткою глаза (*а*), передаются по зрительному нерву (*б*) и имѣютъ своими центрами наружное колѣнчатое тѣло, зрительный бугоръ и четверохолміе (*в*). Слуховыя впечатлѣнія получаются путемъ раздраженій окончаній слухового нерва и передаются по слуховому нерву до дна четвертаго желудочка въ продолговатомъ мозгу. Обонятельныя впечатлѣнія получаются нервными окончаніями, заложенными въ Шнейдеровой оболочкѣ полости носа, передаются по обонятельному нерву и оканчиваются въ обонятельной луковицѣ. Вкусовыя впечатлѣнія получаются нервными окончаніями, заложенными въ слизистой оболочкѣ языка и мягкаго неба, передаются частью троичничными, частью языко-глоточными нервами и оканчиваются въ ядрахъ этихъ нервовъ. Нѣсколько сложнѣе путь, проходимый кожными и мускульными импульсами. Первыя впечатлѣнія воспринимаются нервными окончаніями, заложенными въ кожѣ, наружныхъ слизистыхъ и мускулахъ организма. Отсюда они цѣлою массою несутся къ спинному мозгу. Въ спинномъ мозгу направленіе ихъ къ головному принимаютъ различные пути: часть изъ нихъ — осязательные и мускульные — проводятся задними пучками спинного мозга, — другая же часть — болевые — сѣрымъ веществомъ спинного мозга. Поднявшись въ продолговатый мозгъ, они повидимому, совершаютъ въ верхней его части перекрестъ и направляются частію къ зрительному бугру, часть къ четверохолмію.



Задача чувствительныхъ органовъ передавать своимъ центрамъ не только тѣ впечатлѣнія, кои получаются извѣ, отъ внѣшняго міра, но также ежеминутно, ежесекундно доставлять свѣдѣнія подкорковымъ центрамъ и о состояніи нашего собственнаго организма. Подобная связь существуетъ между мозговыми центрами и желудкомъ, кишечникомъ, легкими, мочевымъ пузыремъ и проч. Въ обычной здоровой жизни это соотношеніе нами не сознается; но патологическія нарушенія въ этихъ органахъ немедленно даютъ объ этомъ знать. Такъ, мы слишкомъ чувствительно ощущаемъ боль при воспаленіи брюшины, плевры, зубной ткани и проч. Насколько эти безсознательныя соотношенія играютъ роль въ экономіи нашей душевной жизни — трудно сказать, при состояніи современныхъ знаній; но что они не остаются безъ вліянія — это несомнѣнно.

Центры ощущеній, какъ видѣли, помѣщаются въ продолговатомъ мозгу, зрительныхъ бугрàхъ и четверохолміи. Всѣ эти узлы находятся подъ мозговою корою и принадлежатъ къ такъ называемымъ *подкорковымъ узламъ*. Въ этихъ же центрахъ ощущеній происходитъ превращеніе впечатлѣній внѣшняго міра въ извѣстныя опредѣленныя ощущенія. Какимъ образомъ это происходитъ, для насъ—это еще составляетъ terram incognitam. Рядомъ же съ этими центрами ощущеній въ этихъ подкорковыхъ узлахъ лежатъ и центры движеній. Между тѣми и другими существуетъ связь. Отсюда, естественно, вытекаетъ, что слѣдствіемъ такого анатомическаго расположенія будетъ воздѣйствіе центровъ ощущеній на центры движеній и, въ концѣ концовъ, какъ эффектъ этого воздѣйствія, получится движеніе. Посредствующимъ звеномъ между центрами ощущенія и движенія можетъ быть простой анатомическій проводникъ, въ видѣ дендрона,—но можетъ быть и отдѣльный посредствующій электронъ. Отдѣльныя части этого дѣйствія будутъ слѣдующія: внѣшнее раздраженіе периферіи органа, передача его центру ощущенія, воздѣйствіе этого центра, при содѣйствіи своего дендрона и дендрона двигательнаго центра, на центръ движенія и послѣдній эффектъ—движеніе или мускульное сокращеніе.

Простѣйшимъ примѣромъ можетъ служить слѣдующій случай: лучъ рѣзкаго свѣта, падающій на нашъ глазъ, по просыпаніи, раздражаетъ сѣтчатку нашего глаза. Это раздраженіе передается по зрительному нерву въ зрительные центры—зрительный бугоръ и четверохолміе. Отсюда происходитъ непосредственное воздѣйствіе, при посредствѣ дендритовъ, на центръ двигательныхъ мускуловъ глаза—четверохолміе, изъ котораго импульсъ идетъ по глазодвигательному нерву къ вѣкамъ и захлопываетъ глазъ. Весь этотъ актъ совершается необыкновенно быстро, безсознательно и машинально. Такъ какъ это движеніе совершается безъ всякаго участія нашего сознанія, то и носитъ названіе рефлекса. Центрами этихъ движеній служатъ спинной мозгъ и подкорковые узлы.

Эти подкорковые узлы стоятъ, однако, въ тѣснѣйшей связи съ мозговою корою—центромъ сознанія и мышленія. Поэтому, образуемыя въ подкорковыхъ узлахъ ощущенія, помимо своего рефлекторнаго проявленія, передаются по своимъ проводникамъ въ эти центры сознанія (г), тамъ воспринимаются и образуютъ въ этихъ центрахъ сознательныя ощущенія или *представленія*. Такимъ образомъ, значеніе образуемыхъ ощущеній троякое: 1) всякое новое ощущеніе увеличиваетъ сумму нашихъ знаній и прибавляетъ новый предметъ къ храненію нашихъ свѣдѣній,—2) онъ можетъ дать импульсъ простому рефлексу движенія, безъ всякаго участія въ этомъ движеніи центра сознанія коры, и 3) образовавшееся ощущеніе даетъ импульсъ и основу для образованія представленія, что будетъ составлять дѣятельность области высшихъ корковыхъ центровъ и представляетъ собою психическій рефлексъ даннаго ощущенія.

Въ каждый данный моментъ нашей дѣятельной жизни образуется множество всевозможныхъ ощущеній. Судьба ихъ не одинакова. Одни изъ нихъ остаются въ запасѣ, другія очень скоро исчезаютъ изъ

памяти по ихъ образованіи. Такая судьба образующихся ощущеній зависитъ отъ того, насколько они рѣзко запечатлѣлись, какъ часто они повторяются и воспроизводятся и какой они представляютъ жизненный интересъ. Сохраняющіяся въ центрахъ, ощущенія образуютъ послѣ своего появленія *слѣдъ*, по которому, черезъ нѣкоторое время, они могутъ быть, по нашему желанію, воспроизведены. Эти то слѣды и служатъ основою *памяти*. Образованіе слѣда ощущенія есть основа и элементъ, начало, способности *запоминанія*,—а воспроизведеніе въ нашемъ сознаніи этого слѣда, въ видѣ того или другого образа, есть основа и элементъ припоминанія или *воспоминанія*.

Я уже упоминалъ, что у нѣкоторыхъ людей, подъ вліяніемъ продолжительныхъ упражненій и наслѣдственности, могутъ происходить какъ обострѣнія въ воспріятіи впечатлѣній органами чувствъ, такъ и ослабленія, какъ, глухота у водолазовъ, близорукость у часовщиковъ и проч. Такія же уклоненія въ воспріятіи впечатлѣній могутъ происходить и подъ вліяніемъ болѣзненныхъ процессовъ въ мозгу, проводникахъ, концевыхъ аппаратахъ и сосѣднихъ частяхъ.

Уклоненія въ воспріятіи органовъ чувствъ, подъ вліяніемъ болѣзненныхъ процессовъ, могутъ быть двоякія: количественныя и качественныя.

Количественныя уклоненія въ воспріятіи органовъ чувствъ при болѣзненныхъ состояніяхъ также могутъ быть двоякія: усиленіе воспріятій (гиперестезіи) и ослабленіе или даже полное отсутствіе воспріятій (анестезіи, нечувствительность).

Для правильнаго воспріятія того или другого раздраженія органами чувствъ и образованія впечатлѣнія требуется: 1) чтобы раздражитель былъ въ предѣлахъ физіологической нормы и не выше и не ниже этой нормы,—2) чтобы воздѣйствіе его продолжалось извѣстный періодъ времени и не меньше его. Но есть нервные люди, какъ нейрастеники, истеричные и проч., кои воспринимаютъ впечатлѣнія при воздѣйствіи раздраженій гораздо слабѣйшей напряженности, чѣмъ то полагается для нормы. И есть такіе нервные люди, кои воспринимаютъ впечатлѣнія отъ раздраженій, происходящихъ гораздо болѣе короткій срокъ, чѣмъ это требуется нормою. И въ томъ и другомъ случаѣ происходитъ *усиленіе и обострѣніе воспріятія—гиперестезія*. При такихъ условіяхъ у даннаго лица количество впечатлѣній будетъ гораздо больше, чѣмъ у здоровыхъ людей, потому что оно будетъ воспринимать раздраженія не только стоящія въ предѣлахъ нормы, но и ниже нормы, при чемъ эти послѣднія для здоровыхъ людей остаются совершенно неизвѣстными и недоступными. Слѣдовательно, кругъ воспріятія этихъ людей шире, полнѣе и разнообразнѣе.

Есть и такіе нервные люди, кои представляютъ *ослабленіе* и *ограниченіе* воспріятій органами чувствъ и даже полную *нечувствительность—анестезіи*. Таковы: близорукіе, слѣпые отъ рожденія, глухонѣмые и проч. Въ этихъ несчастныхъ случаяхъ экономія познавательной душевной жизни также будетъ измѣнена. Она будетъ ограничена и ограничена настолько, насколько происходитъ ограниченіе воспріятія. Въ этомъ отношеніи сама природа, однако, идетъ на по-

мощь несчастнымъ страдальцамъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда при слѣпотѣ и глухотѣ умственная жизнь не подавлена, такіе ограниченные въ воспріятіи люди пополняютъ свой прирожденный или пріобрѣтенный недостатокъ расширеніемъ воспріятій въ области другихъ органовъ чувствъ. Прежде полагали, что у слѣпыхъ отъ рожденія бываетъ крайне обострѣно воспріятіе органовъ слуха, осязанія и другихъ чувствъ, точно также и у глухонѣмыхъ. Новѣйшія изысканія говорятъ, однако, что такого обострѣнія воспріятія помогающими и замѣняющими органами чувствъ нѣтъ, — а есть только усовершенствованіе и расширеніе воспріятій дѣйствующими органами. Такъ, напр., нѣкоторые слѣпые отъ рожденія настолько умственно развиваются, что мало чѣмъ уступаютъ и зрячимъ. Въ этомъ отношеніи имъ очень много помогаетъ особенно развитые слухъ и осязаніе. Въ нашей жизни въ огромномъ большинствѣ случаевъ пользуются для сношеній съ внѣшнимъ міромъ зрѣніемъ и слухомъ. Осязаніемъ мы пренебрегаемъ и оно у насъ въ зачаточномъ положеніи. Но если бы мы стали его развивать и совершенствовать настойчиво и продолжительно, то достигли бы послѣдствій, нынѣ для насъ и недоступныхъ и непостижимыхъ. Напр., карточные шулера такъ развиваютъ свое осязаніе, что при сдачѣ, легко и свободно пальцами узнаютъ, какія карты идутъ ихъ партнерамъ и противникамъ. Такъ и слѣпые. Они всю жизнь живутъ осязаніемъ и слухомъ,—а ихъ органы такъ совершенствуются, такъ въ воспріятіи расширяются, что ихъ ощущенія являются почти равными съ нашими зрительными, хотя способъ воспріятія ими этихъ ощущеній для насъ непостижимъ. Въ этомъ отношеніи прирожденно слѣпые являются ясновидящими безъ органовъ видѣнія. Это даетъ намъ основаніе полагать, что и самый актъ ясновидѣнія есть актъ дѣйствительный и имѣетъ въ основѣ своей повышеніе и расширеніе воспріятія органами чувствъ.

Качественныя уклоненія въ области органовъ чувствъ будутъ также двоякаго рода: *иллюзіи* и *галлюцинаціи*. Иллюзіи—это ошибочныя ощущенія,—галлюцинаціи—ложныя недѣйствительныя ощущенія.

Примѣровъ иллюзій мы имѣемъ много въ жизни каждаго изъ насъ. Вы идете вечеромъ по улицѣ. Встрѣчаете вашего знакомаго. Вы начинаете улыбаться его встрѣчѣ и поднимаете руку для поднятія шляпы; но въ это время вы подошли ближе и видите, что это вовсе не вашъ знакомый, а совершенно чужой человѣкъ. Очевидно, недостаточное ощущеніе, недостаточная степень раздраженія сѣтчатки ввела васъ въ ошибку. Это физіологическая иллюзія. Это ошибка зрѣнія по недостаточности раздраженія. Тоже бываетъ и со слухомъ и съ другими органами чувствъ. Хорошо, если вы провѣрили и исправили эту ошибку. Но если бы вамъ казавшійся знакомый не подошелъ къ вамъ, а прошелъ въ другомъ направленіи, то вы остались бы при убѣжденіи, что вы именно его видѣли и, въ случаѣ надобности, подъ присягою свидѣтельствовали бы на судѣ, хотя ваше свидѣтельство, на дѣлѣ, оказалось бы ложнымъ. Такимъ путемъ образовали бы ошибочное свѣдѣніе и ошибочное знаніе.

Но могутъ быть иллюзіи и болѣзненныя. Такъ, нѣкоторымъ нервнымъ и душевнымъ больнымъ кажется на лицахъ всѣхъ людей выраженіе презрительной улыбки, когда ея нѣтъ на самомъ дѣлѣ,—въ пищѣ особенный вкусъ отравы и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ существуетъ раздражитель, существуетъ и впечатлѣніе,—но оно передается центру ощущенія не въ дѣйствительномъ видѣ, а въ измѣненномъ, ошибочномъ. Это и будетъ иллюзія.

Галлюцинація—это ощущеніе ложное, не имѣющее себѣ основы и раздраженія внѣ насъ, а возникающее прямо въ центрахъ органа чувства. Такъ, при совершенной тишинѣ люди слышатъ окликъ по имени, слышатъ музыку, пѣніе, голосъ и проч.,—видятъ людей, кои давно умерли или находятся вдали отъ насъ,—обоняютъ запахи, которыхъ нѣтъ,—ощущаютъ колебанія почвы, какъ будто полъ уходитъ изъ подъ ногъ, когда этого нѣтъ на дѣлѣ.

Такія ложныя ощущенія, субъективныя, личныя могутъ быть и у здоровыхъ людей, но чаще у нервно и душевно больныхъ. Мы знаемъ многихъ историческихъ дѣятелей, которые, не будучи душевно больными, имѣли галлюцинаціи. Таковы галлюцинаціи Магомета, Орлеанской Дѣвы, Лайолы и проч. Гете видѣлъ своего двойника,—Лютеръ видѣлъ дьявола и запустилъ въ него чернильницей,—Вальтеръ Скоттъ видѣлъ своего друга Байрона въ складкахъ занавѣски, а Байрону являлся умершій другъ его, Муръ. Спиноза, просыпаясь по утрамъ, видѣлъ у кровати изображеніе негра. Я могъ бы привести множество такихъ примѣровъ...

Но чаще бываютъ галлюцинаціи у душевно больныхъ. Одинъ мой больной, страдавшій запойнымъ пьянствомъ, очень удачно рисовалъ видѣнныхъ имъ чортиковъ. Это были маленькіе, шаловливые черные звѣрьки въ красныхъ шапочкахъ, съ рожками и хвостиками, очень причудливо прыгавшіе и игравшіе. Но когда запой шелъ дальше, то являлся большой чертъ съ рогами и длиннымъ хвостомъ.

Всѣ галлюцинаціи могутъ появляться или въ одномъ органѣ чувства, или въ нѣсколькихъ или во всѣхъ.

Разница между галлюцинаціями душевно здороваго и душевно больного человѣка состоитъ въ томъ, что душевно здоровый человѣкъ сознаетъ ненормальности ощущеній и ихъ ложность,—а душевно больной признаетъ ихъ за дѣйствительныя и реальныя.

Однажды я наблюдалъ очень умнаго и очень образованнаго профессора, страдавшаго бѣлой горячкой. Разговаривая со мною, онъ видѣлъ, однако, какъ по его ногамъ, рукамъ и тѣлу прыгали чортики. Иногда чортики садились ему на носъ. Тогда онъ потихоньку схватывалъ чертика рукою, сжималъ его въ ладони и потихоньку старался посмотрѣть, чтобы не дать мнѣ замѣтить,—что сдѣлалось съ чортикомъ... но чортикъ удиралъ.

„Какъ не вѣрить въ чертей... Я вижу васъ и вижу ихъ. Вы говорите со мною и они говорятъ... Вотъ, каналіи, показываютъ мнѣ языки и носъ... Кто изъ васъ видѣніе,—а кто дѣйствительность?.. Я хочу вѣрить, что вы дѣйствительность,—но я также ощущаю и ихъ, какъ васъ... Или вы оба — видѣніе, или вы оба — дѣйствительность...

Но когда бѣлая горячка проходила, профессоръ безъ сомнѣнія признавалъ болѣзненность видѣнія и небытіе чертиковъ.

Галлюцинаціи—это проявленіе дѣятельности нашихъ подкорковыхъ узловъ, центровъ ощущеній, появляющіяся первично въ этихъ центрахъ, безъ внѣшнихъ раадраженій окончаній органовъ чувства. Но такъ какъ въ нашемъ запасѣ свѣдѣній, ощущеній и знаній не можетъ быть ничего прирожденнаго и являющагося самобытно, безъ внѣшняго воспріятія органами чувствъ, то и галлюцинаціи не представляютъ ничего новаго,—а только лишь или воспроизведеніе старыхъ слѣдовъ по памяти, или же разнообразнѣйшую комбинацію этихъ образовъ и воспоминаній, появляющихся въ галлюцинаціяхъ въ причудливой и оригинальной самобытной формѣ.

Разсмотримъ, какія послѣдствія бываютъ въ экономіи нашей душевной жизни, въ зависимости отъ уклоненія въ области воспріятія впечатлѣній и нашихъ знаній?

Обостренія въ воспріятіи органовъ чувствъ даютъ значительно большее количество ощущеній, чѣмъ у здороваго человѣка. Отсюда: 1) является увеличеніе простыхъ рефлексовъ,—2) увеличеніе количества ощущеній, знаній и свѣдѣній,—3) увеличеніе количества представленій въ мыслительной области,—4) большая полнота знаній и понятій,—5) болѣе обильный матеріалъ для сужденія,—6) правильное и оригинальное умозаключеніе и 7) богатые, обильные и, можетъ быть цѣлесообразные поступки и дѣйствія. Увеличенное количество ощущеній и всѣхъ умственныхъ процессовъ влечетъ за собою въ самочувствіи—волненіе, безпокойство, суетливость, перескакиваніе съ предмета на предметъ, особенное усиліе при желаніи остановиться на чемъ-либо, доходящіе иногда до нейрастеніи и истеріи.

Ослабленіе или отсутствіе дѣятельности органа чувства порождаетъ ограниченіе рефлексовъ, уменьшонное количество знаній и ощущеній, нѣкоторую особенность въ воспріятіи помогающими органами, ограниченіе и своеобразность количества представленій, процесса сужденій, вывода и дѣйствій,—въ самочувствіи спокойствіе и медлительность.

Иллюзіи влекутъ за собою ошибочныя представленія, ошибочные выводы и странные поступки и дѣйствія. *Галлюцинаціи*—ложныя представленія, ложныя понятія, странные, неразумные, опасные и преступные поступки и дѣйствія.

Существуютъ особенныя душевныя состоянія, представляющія большой интересъ для мыслящихъ людей и, тѣмъ не менѣе, мало доступныя пониманію. Это именно—предчувствіе, предвидѣніе и ясновидѣніе. *Предчувствіе*—это смутное и неясное ожиданіе, что вотъ что-то случится съ нами. Это „что-то“ остается неопредѣленнымъ, но чаще—непріятное, чѣмъ пріятное. *Предвидѣніе*—явленіе болѣе конкретное и точнѣе опредѣленное. Данныя, на которыхъ оно основывается, бываютъ болѣе ясно опредѣленными и являются въ формѣ болѣе точно выраженными. Это явленіе имѣетъ болѣе ограниченный и болѣе точный характеръ. *Ясновидѣніе* представляетъ способность ясно и отчетливо знать и представлять предметы, недоступные нор-

мальному воспріятію или по времени, или по мѣсту, или по условіямъ обстановки. Предчувствіе, предвидѣніе и ясновидѣніе, свойственны преимущественно личностямъ нервнымъ, истеричнымъ, нейрастеникамъ и проч.

Всѣ эти нервные люди въ большинствѣ случаевъ представляютъ усиленіе, обострѣніе и расширеніе въ области воспріятія, гиперестезіи органовъ чувствъ. Слѣдствіемъ такого состоянія будутъ: а) значительное расширеніе области воспріятія органовъ чувствъ, превышающее норму,—b) значительное расширеніе познавательной области и с) уменьшеніе срока воздѣйствія раздражителя. Послѣдствіемъ этого является расширеніе области представленій, сужденія, умозаключенія и волевыхъ поступковъ.

Но допуская у этихъ людей усиленіе познавательныхъ способностей въ количественномъ отношеніи, мы не сможемъ отвергнуть у такихъ людей наличности новыхъ въ качественномъ отношеніи ощущеній,—намъ, среднимъ людямъ, невидимыхъ и недоступныхъ. Эти ощущенія вносятъ въ душу даннаго лица новыя своеобразныя, невѣдомыя нормальному человѣку знанія, свѣдѣнія и данныя.

Выводы мои таковы: существуютъ нѣкоторые нервные люди, у коихъ количество воспринимаемыхъ ощущеній, знаній и свѣдѣній образуется значительно больше, чѣмъ у нормальныхъ людей; больше потому, что они способны воспринимать такія внѣшнія раздраженія, которыя выше и ниже нормы; такія раздраженія, которыя отстоятъ на болѣе далекомъ разстояніи, чѣмъ доступныя нормальному человѣку,—такія внѣшнія раздраженія, которыя воздѣйствуютъ на воспринимающій органъ болѣе короткій срокъ,—такія внѣшнія раздраженія, которыя качественно недоступны нашимъ органамъ чувствъ, по недостатку совершенныхъ приспособленій. Такимъ образомъ у этихъ людей органы воспріятія тоньше и острѣе нормальныхъ, а воспринимаемость ими ощущеній, знаній и свѣдѣній будетъ больше, чѣмъ у насъ.

Эта-то особенность нервныхъ людей, по моему мнѣнію, даетъ прочную почву для созиданія предчувствія, предвидѣнія и ясновидѣнія. Если въ области знаній и ощущеній даннаго лица возникаетъ масса ощущеній, намъ чуждыхъ, но для нихъ доступныхъ, то такіе люди могутъ впередъ чувствовать наступленіе такихъ событій, такихъ происшествій, такихъ обстоятельствъ, которыя намъ недоступны и непостижимы,—для нихъ же являются въ формѣ смутныхъ неопредѣленныхъ предчувствій. Ихъ смутность, ихъ неопредѣленность объясняется тѣмъ, что новыя воспріятія не вполнѣ выдѣлены и развиты путемъ воспитанія и обученія, а не разработаны они потому, что мы, средніе люди, руководящіе воспитаніемъ данныхъ ощущеній, не знаемъ ихъ и не понимаемъ.

Въ другихъ случаяхъ у этихъ нервныхъ людей ихъ особенныя ощущенія бываютъ болѣе опредѣленными, болѣе ясными, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе ограниченными извѣстною областію, почему эти люди настолько смутно предчувствуютъ нѣчто грядущее, но уже опредѣленно его предвидятъ.

Наконецъ, ясновидящіе отличаются полною отчетливостью и ясностію воспріятія явленій и событій, которыя намъ недоступны или потому, что они совершаются за тысячу верстъ отъ насъ,—или потому, что они произошли за десятки и сотни лѣтъ назадъ, или произойдутъ въ будущемъ,—или потому, что мы не имѣемъ органовъ для ихъ воспріятія.

Ясновидѣніе возможно во всѣхъ областяхъ органовъ чувствъ: въ органахъ обонянія, вкуса, осязанія, слуха и зрѣнія. Я приведу слѣдующій фактъ ясновидѣнія.

Въ одной изъ среднихъ губерній Россіи явилась ясновидящая, которая совершенно свободно читала письма въ закрытомъ конвертѣ. Въ это время въ Петроградѣ существовалъ спиритическій кружокъ, во главѣ котораго стоялъ Н. А. Аксаковъ и къ которому принадлежали такія почтенныя лица, какъ проф. Бутлеровъ, проф. Вальнеръ и др. И вотъ этотъ кружокъ такимъ образомъ провѣрилъ ясновидящую. Каждый изъ членовъ общества принесъ въ конвертѣ письмо, ему одному извѣстное. Всѣ конверты были одинаковой формы. Изъ урны незаинтересованнымъ лицомъ было вынуто одно письмо, неизвѣстно кому принадлежащее, а остальные были сожжены. Вынутый конвертъ обложили свинцовой бумагой, вложили въ еще одинъ конвертъ, обшили, опечатали и послали ясновидящей. Ясновидящая, не повредивъ печатей, прочитала письмо и настолько точно списала заключенное въ немъ, что ошибка оказалась въ одномъ словѣ, которое было на сгибѣ листа. Пакетъ былъ возвращенъ въ спиритическое общество, осторожно и внимательно открытъ и изученъ, при чемъ свѣрено было самое письмо въ передачѣ его ясновидящей и оказалось вполнѣ точнымъ. Этотъ фактъ переданъ мнѣ А. Н. Аксаковымъ.

Совершенно подобный же фактъ былъ наблюдаемъ и опубликованъ во Франціи prof. Grosset. И такихъ фактовъ извѣстно достаточно.

Такимъ образомъ нѣкоторыя изъ уклоненій въ области органовъ чувствъ нервныхъ людей являются не болѣзненными, не патологическими, а напротивъ, представляютъ усовершенствованіе человѣческой природы. Съ этой точки зрѣнія въ нѣкоторыхъ случаяхъ вышеуказанныя уклоненія въ воспріятіи органовъ чувствъ я считаю проявленіемъ не вырожденія рода человѣческаго, а возрожденія и совершенствованія.

III.

Мыслительная жизнь человѣка.

Самую высшую, сложнѣйшую и наиболѣе заслуживающую удивленія область душевной жизни человѣка—составляетъ его мышленіе, его сознательная жизнь, его воля. Это именно та часть душевной жизни, которая преимущественно ставитъ его надъ всѣми другими существами и доставляетъ ему положеніе царя и владыки всего существующаго на землѣ. Это та область, которая дѣлаетъ его повелителемъ животныхъ, обладателемъ земли и всего, что на ней и подъ ней, — властелиномъ воды и воздуха. Великая и могущественная

область, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма трудная для ея изученія. Есть проявленія души настолько трудныя и мало достижимыя изученію, что они не только не поддаются обстоятельному изученію, но даже точному опредѣленію. Таковы напр., сознаніе, самосознаніе, личность, „я", воля и т. д. Правда, мы имѣемъ кое-какія опредѣленія имъ, но эти опредѣленія туманны, искусственны, отвлеченны и мало понятны, потому что всякое существо этихъ явленій мало доступно нашему пониманію. Вообще въ этомъ отдѣлѣ приходится идти съ большою осторожностью и во многихъ случаяхъ ощупью.

Простѣйшею единицею мыслительной жизни считается *представленіе. Представленіе есть воспроизведеніе въ корковыхъ центрахъ нашей сознательной душевной жизни тѣхъ образовъ и картинъ, кои своевременно вносились въ нихъ ощущеніями.* Слѣдовательно, это есть способность нашихъ корковыхъ центровъ воспроизводить образы предметовъ по слѣдамъ прежде бывшихъ ощущеній. Meynert говоритъ, что представленіе есть образное воспоминаніе, населяющее различныя области коры, при чемъ всякое такое образное воспоминаніе есть послѣдствіе ощущеній, побывавшихъ предварительно въ подкорковомъ своемъ центрѣ. Естественно, воспроизведеніе это будетъ тѣмъ рѣзче, тѣмъ отчетливѣе, чѣмъ рѣзче будутъ эти слѣды ощущеній.

Всякое внѣшнее воздѣйствіе на наши органы чувства, доходя до своихъ подкорковыхъ центровъ ощущеній, можетъ въ нихъ поселиться въ двоякомъ видѣ: или въ неясномъ, неотчетливомъ, полусознательномъ видѣ, или яснымъ, отчетливымъ и сознательнымъ. Послѣднее состояніе будетъ въ такомъ только случаѣ, когда образующееся въ своемъ подкорковомъ центрѣ ощущеніе немедленно по проводящимъ путямъ корковой области сообщается центрами сознанія, лежащими въ той или другой области моровой коры. Вотъ эти-то сигналы, эти воздѣйствія подкорковыхъ центровъ, по достиженіи корковыхъ центровъ, и образуютъ въ нихъ сознательные образы и картины, составляющія представленія.*

Способность этихъ воздѣйствій на корковые центры, образующіеся образы и картины—представленія живутъ и существуютъ въ своихъ центрахъ, нашемъ сознаніи, не только въ моментъ образованія, но и послѣ того. На томъ зиждется весьма видная способность нашей души—*память*. Моментъ образованія, формированія представленія — это моментъ запоминанія, утвержденія, фиксаціи представленія.

Очевидно, въ тотъ моментъ въ нейронахъ происходитъ, то въ большей, то въ меньшей степени, какое-то видоизмѣненіе въ расположеніи или химическомъ составѣ составныхъ частей нейрона, которое остается на всю жизнь, представляя собою слѣдъ прежняго воздѣйствія на нейронъ ощущенія. Наиболѣе яркимъ видоизмѣненіе состава нейрона будетъ въ моментъ воздѣйствія ощущенія. Всякій разъ, какъ это ощущеніе будетъ получаться извнѣ, оно вновь и вновь будетъ поддерживать видоизмѣненное расположеніе химическихъ частей нейрона и утверждать тотъ слѣдъ, который образовался отъ перваго ощущенія. По миновании надобности въ нашемъ сознаніи въ данный

*) *Meynert.* Психіатрія, р. 173.

моментъ, образовавшійся образъ — видоизмѣненія состава нейрона, забывается, исчезаетъ изъ авансцены сознанія, но не исчезаетъ, а только лишь остается въ лятентномъ, скрытомъ состояніи. При новой надобности въ томъ представленіи, въ томъ образѣ, въ этомъ измѣненіи состава нейрона, оно освѣщается вновь и служитъ нашему сознанію, чтобы затѣмъ вновь перейти въ скрытое запасное состояніе.

Итакъ, съ формальной точки зрѣнія, представленіе есть воспроизведеніе нашими корковыми центрами образовъ прежде бывшихъ ощущеній,—съ составной, морфологической точки зрѣнія—видоизмѣненіе состава клѣтки (механическое или химическое),—а съ психологической отправленіе нейрона, какъ центра представленія, въ силу котораго нервная энергія превращается въ энергію психическую.

Такихъ представленій въ каждый моментъ нашей жизни образуется множество и превышаетъ милліоны. Все это—матеріалъ, изъ котораго составляется наша мыслительная жизнь. Чѣмъ обильнѣе этотъ матеріалъ, тѣмъ богаче наша жизнь. Мыслительная жизнь простого, мало образованнаго крестьянина бѣднѣе и скуднѣе, чѣмъ мыслительная жизнь человѣка образованнаго, обладающаго запасомъ знаній и умѣньемъ владѣть телескопомъ, микроскопомъ и т. п.

Я позволю себѣ еще минутку остановиться на этомъ предметѣ. Въ предыдущемъ мы знаемъ, что матеріаломъ для представленія служатъ ощущенія. Всякое представленіе есть тоже ощущеніе, только настолько сознанное нами, настолько усвоенное и переработанное, что мы во всякій моментъ нашей жизни можемъ воспроизвести его въ нашемъ сознаніи уже не по внѣшнему воздѣйствію, а по внутреннему побужденію, въ силу той или другой надобности нашего мышленія. Такимъ образомъ всякое представленіе, по своему существу, есть окончательный эффектъ ощущенія. Это есть окончательный эффектъ, окончательный актъ чувствительнаго рефлекса, вылившійся не въ формѣ движенія, а въ формѣ представленія. Уколъ иглою можетъ дать невольное, безсознательное, быстрое отдергиваніе руки, которую колютъ. Это двигательный рефлексъ. Но въ тоже время уколъ плохо передается нашему сознанію и образуетъ въ немъ образъ колющей иглы. Это—представленіе, психическій рефлексъ. Можетъ случиться, что мы при этомъ уколѣ не только не отдернемъ руки, а еще болѣе подставимъ ее.

Центрами ощущеній служатъ подкорковые узлы, центрами рефлекторныхъ или простѣйшихъ первичныхъ движеній служатъ также подкорковые узлы. Центрами представленій, равно какъ и центрами сознательныхъ движеній служатъ различныя части корки. Проводящіе пути отъ подкорковыхъ центровъ къ моровой коркѣ нами разсмотрѣны во второмъ отдѣлѣ.

Хранителями представленій служатъ нейроны или нервныя клѣтки мозговой коры,—хранителями ощущеній служатъ нейроны подкорковыхъ узловъ.

При такомъ положеніи дѣла является вопросъ: обладаетъ ли возможностью мозговая корка вполнѣ удовлетворительно выполнять эту роль,—или иначе, достаточное ли количество нейроновъ заложено

въ мозговой коркѣ полушарій, чтобы на каждое образующееся представленіе нашелся отдѣльный нейронъ.

Богатство нашей умственной жизни обуславливается во 1-хъ *количествомъ нейроновъ и качествомъ* ихъ. Чѣмъ больше въ данномъ мозгу заключается клѣтокъ, чѣмъ большее количество изъ нихъ занято различными представленіями, тѣмъ больше у насъ будетъ матеріала для сужденія и мышленія,—тѣмъ богаче будутъ наши знанія и свѣдѣнія, тѣмъ больше возможности быть умнымъ и образованнымъ человѣкомъ. И наоборотъ, чѣмъ меньше клѣтокъ въ данномъ мозгу, тѣмъ больше онѣ въ своемъ развитіи стѣснены количествомъ нейроглія, тѣмъ меньше данныхъ тому или другому человѣку попасть въ число людей умныхъ и образованныхъ и больше условій попасть въ отдѣлъ тупоумныхъ и идіотовъ. Количество нейроновъ у землеройки и крота меньше, чѣмъ у собаки и собака умнѣе, чѣмъ землеройка,—а обезьяна еще умнѣе собаки,—но количество ея корковыхъ нейроновъ приближается къ человѣческому. Количество нейроновъ коркн идіота меньше противъ нормальнаго человѣка отъ рожденія,—а количество нейроновъ слабоумнаго меньше, вслѣдствіе болѣзни мозга,—и оба этихъ ненормальныхъ отдѣла людей глупѣе нормальныхъ.

Такимъ образомъ количество нейроновъ играетъ важную роль въ отношеніи количественнаго богатства мыслительнаго матеріала. Тѣмъ болѣе важно то положеніе, что помимо занятыхъ представленіемъ нейроновъ, можно думать, въ мозгу человѣка должна быть еще и масса свободныхъ клѣтокъ для представленій новыхъ, имѣющихъ еще проникнуть въ мозгъ даннаго лица,—запасный складъ клѣтокъ незанятыхъ и свободныхъ, куда бы можно было сложить будущій матерьялъ. Итакъ, въ мозгу средняго здороваго человѣка, въ средній періодъ его жизни, мы должны допустить количество нейроновъ мозгового вещества (a), преимущественно корковыхъ, какъ носителей и центровъ представленій и понятій,—равнымъ количеству клѣтокъ, уже занятыхъ представленіями (b) + количеству клѣтокъ, еще не занятыхъ и свободныхъ (c), при чемъ a = b + c. Естественно, что величина b въ дѣтствѣ равна 0,—затѣмъ она переходитъ въ малую величину, которая въ отроческіе и юношескіе годы увеличивается и приравнивается къ c,—а въ зрѣлые годы b уже даже больше c. Вопросъ о томъ, будетъ ли достаточно мозговыхъ клѣтокъ для всѣхъ ощущеній и представленій человѣка въ теченіе всей его жизни, мнѣ кажется, рѣшенъ удовлетворительно,—по Meynert'у ихъ въ мозговой корѣ отъ 600 до 1200 милліоновъ, а по Brandfort Tomson'у 9200 милліоновъ.

Количество же нашихъ представленій будетъ значительно меньше. Полагаютъ, что на образованіе одного представленія въ мозгу человѣка тратится отъ 0,4" до 0,7" (Wundt); слѣдовательно, среднимъ числомъ 0,55 секунды. Допуская, что человѣкъ спитъ въ сутки 8 часовъ и живетъ въ среднемъ 35 лѣтъ, а начинаетъ мыслить съ 2 лѣтъ, мы должны прійти въ заключенію, что, при вышеуказанныхъ данныхъ должно образоваться въ теченіе жизни не менѣе 1,387,583,000 представленій. Но это будетъ въ дѣйствительности совершенно не вѣрно. И вотъ почему. Помимо образованія представленій, душевная

дѣятельность состоитъ еще изъ жизни чувствительной, на которую тратится по меньшей мѣрѣ столько же времени,—слѣдовательно количество представленій будетъ вдвое меньше. Далѣе тратится время на процессъ сужденія по меньшей мѣрѣ втрое больше времени, потребнаго для образованія представленія. Тратится время на прохожденіе волевыхъ приказаній по проводящимъ путямъ, а также и на исполненіе этихъ веленій, въ видѣ произвольныхъ движеній, рѣчи, письма и проч. И на эти процессы потратится времени по крайней мѣрѣ въ шесть разъ болѣе, чѣмъ на образованіе представленій. Такимъ образомъ, количество представленій въ теченіе жизни будетъ не 1,387,584,000, а только 46,252,800.

Вотъ почему съ правомъ можно утверждать, что въ мозгу каждаго человѣка будутъ нейроны не только занятые представленіями, но и свободные, годные всегда воспринять новыя ощущенія и представленія. Мы допускаемъ тоже предположеніе, что каждый нейронъ служитъ центромъ одного только представленія; но существуютъ и такія мнѣнія, которыя допускаютъ возможность существованія одного нейрона для нѣсколькихъ представленій. Тогда количества нейроновъ для мыслительной дѣятельности будетъ болѣе, чѣмъ достаточно. Но помимо количества нейроновъ въ мозгу того или другого лица, мы должны еще обратить вниманіе и на *качество* ихъ. Въ этомъ отношеніи едва ли можно отрицать значеніе наслѣдственности. Съ убѣжденіемъ можно говорить, что нейроны европейца, путемъ вѣкового совершенствованія, будутъ совершеннѣе таковыхъ же у негра, индѣйца и проч. Равнымъ образомъ, едва ли можно отрицать и то, что личность, получившая свою нервную систему отъ пьяницы отца или матери, отъ эпилептика, паралитика, помѣшаннаго и проч., будетъ имѣть нейроны безусловно менѣе устойчивыми, чѣмъ нервные элементы человѣка, происходящаго отъ родителей здоровыхъ. Патологическая анатомія идіотизма показала намъ, что въ однихъ случаяхъ на препаратахъ мозга идіота подъ микроскопомъ наблюдается очень большое количество соединительной ткани (нейроглія) и небольшое количество нервныхъ клѣтокъ,—въ другихъ же случаяхъ количество нейроновъ достаточное, но они представляются измѣненными болѣзненными процессами.

Вторая категорія случаевъ показываетъ намъ, что недостаточно еще имѣть надлежащее количество нервныхъ клѣтокъ для правильной мыслительной или душевной дѣятельности, а нужно, чтобы эти нервныя клѣтки правильно были устроены и правильно питались. Естественно, если будетъ неправильное питаніе нервныхъ клѣтокъ, то будетъ неправильный и составъ ихъ протоплазмы или тѣла и, слѣдовательно, произойдетъ неправильное ихъ отравленіе.

Вотъ почему я поддерживаю 1-ое положеніе: *богатство и правильность душевной жизни обусловливается количествомъ и качествомъ нейроновъ мозга.*

Но этого еще недостаточно и требуется второе обязательное положеніе: *богатые сочетательные и проводниковые пути и безпрепятственное и обильное ихъ отправленіе.* Это второе условіе, обязательное для богатой умственной дѣятельности. Извѣстны въ литературѣ изслѣдованія моз-

говъ идіотовъ и мнѣ самому приходилось неоднократно наблюдать, что при достаточномъ количествѣ сѣраго вещества, даже иногда болѣе, чѣмъ достаточномъ, бѣлаго вещества въ мозгу было очень мало. Припомнимъ, что въ сѣромъ веществѣ главнымъ образомъ нервныя клѣтки, центры представленій и понятій,—въ бѣломъ сочетательные и проводниковые пути. Такимъ образомъ у идіотовъ можетъ быть нейроновъ достаточно, но сочетательныхъ путей мало. Далѣе, сравнительно—анатомическія изслѣдованія мозговъ намъ говорятъ, что отношеніе сѣраго вещества мозга къ бѣлому въ царствѣ животныхъ обратно пропорціонально близости въ степени развитія, животнаго къ человѣку. Это явленіе подтверждается и тѣмъ, что животные способны воспринимать ощущенія и образовать представленія,—но разсудительность и процессъ мышленія у нихъ очень слабъ. Поэтому Meynert былъ правъ, говоря, что для богатой умственной дѣятельности недостаточно большого количества нервныхъ клѣтокъ, какъ центровъ представленій, а нужно еще обильное ихъ соединеніе между собою при помощи сочетательныхъ нитей. Чѣмъ обильнѣе это соединеніе и чѣмъ быстрѣе человѣкъ можетъ сочетать однѣ группы представленый съ другими, тѣмъ обширнѣе и блестящѣе умственный капиталъ даннаго лица.

Такимъ образомъ отсюда явствуетъ, что вся суть умственной жизни совершается въ мозговыхъ полушаріяхъ: здѣсь центръ представленный, здѣсь и источникъ душевной дѣятельности. Слѣдуетъ, ожидать, что чѣмъ выше умственная жизнь человѣка, тѣмъ сложнѣе и богаче будутъ своимъ строеніемъ и полушарія мозга. Сравнительно—анатомическія изслѣдованія Meynert'а это подтверждаютъ: полушарія человѣка составляютъ 78% всей массы мозга,—полушарія обезьяны—78%,——собакъ и лошади 67%,—кошки и морской свинки—62—45%.

Идемъ далѣе. Нейроны—носители и хранители представленій—заложены въ мозговой коркѣ. Въ виду безспорнаго богатства у человѣка, въ сравненіи съ другими млекопитающими, области представленій, слѣдуетъ ожидать, что и толща корки, т. е. сѣраго вещества корки, будетъ несравненно у человѣка большая, чѣмъ у остальныхъ млекопитающихъ. На дѣлѣ это не такъ. Изслѣдованія Meynert'а показали, что въ большинствѣ случаевъ, чѣмъ дальше животное отъ человѣка, тѣмъ толща корки его больше. Отношеніе сѣраго и бѣлаго вещества полушарія у обезьяны больше, чѣмъ у человѣка,—у собаки больше, чѣмъ у обезьяны, у крота больше, чѣмъ у собаки и т. д. Такое странное явленіе объясняется очень легко. Сѣрый цвѣтъ мозговой корки объясняется не единственно присутствіемъ нейроновъ, а оттѣнкомъ того основного вещества, въ которомъ они заложены. Слѣдовательно, легко можетъ статься, что у собаки, крота и проч. въ коркѣ будетъ много основного вещества и очень небольшое количество нейроновъ. Такъ оно и на дѣлѣ. Meynert, Mendel и др. показали, что въ корковомъ веществѣ собаки и другихъ низшихъ животныхъ нейроновъ очень не много и богатство ихъ сѣраго вещества корки является призрачнымъ. Кромѣ того, я уже сказалъ, что богатство умственной дѣятельности обуславливается, помимо количества

и качества нейроновъ, еще и обиліемъ сочетательныхъ путей, которыхъ у низшихъ животныхъ очень мало. Лучшимъ доказательствомъ тому служатъ идіоты. Въ мозгахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ мы можемъ находить достаточно толстый слой мозговой корки и въ немъ очень небольшое количество нейроновъ,—у другихъ же—вполнѣ удовлетворительное количество нейроновъ, но очень малое развитіе сочетательныхъ путей.

Представленія отличаются образностью и предметностью своего содержанія. Они заключаютъ въ себѣ такія свойства предметовъ, при помощи которыхъ одинъ предметъ отличается отъ другихъ, даже ему подобныхъ. Встрѣчаясь часто съ подобными предметами, мы замѣчаемъ въ нихъ общія черты и качества, которыя обобщаютъ эти предметы въ одинъ видъ и одинъ родъ. Такъ, видя часто одну овцу, другую, третью и т. д., мы становимся въ состояніи составить себѣ общій видъ этихъ отдѣльныхъ созданій,—общій видъ—овецъ. При этомъ нѣсколько общихъ представленій сочетаются вмѣстѣ и даютъ опредѣленіе одному цѣлому. Этотъ актъ обобщенія представленій носилъ названіе *понятія*. Если представленія отличаются своею предметностью и вещественностью, то понятія, напротивъ, отвлеченны, такъ какъ они заключаютъ въ себѣ собраніе свойствъ,—принадлежащихъ многимъ предметамъ одного и того же вида. Такъ, мы можемъ представить себѣ Петрова, Иванова и проч., но не можемъ представить себѣ человѣка,—и желая представить себѣ малоросса, мы должны воплотить его непременно въ то или другое лицо.

Такимъ образомъ *понятіе есть обобщеніе представленій, составляетъ актъ высшей мыслительной дѣятельности, отмѣчается отвлеченностью содержанія, служитъ, наравнѣ съ представленіями, матеріаломъ для сужденій и умозаключеній* и, повсему вѣроятію, *помѣщается въ тѣхъ нервныхъ клѣткахъ, какъ и представленія.*

Процессъ мышленія состоитъ въ сопоставленіи между собою отдѣльныхъ представленій и понятій, относящихся къ предмету мышленія. Мы знаемъ, что въ различныхъ частяхъ мозговой корки размѣщены различныя представленія и понятія. Необходимо, значитъ, чтобы, для процесса мышленія, всѣ эти центры имѣли между собою связь и сообщеніе. Процессъ этихъ соотношеній отдѣльныхъ элементовъ мышленія носитъ названіе *сужденія*. Анатомическіе пути, служащіе для сношеній между отдѣльными частями полушарій,—это сочетательные пути. Болѣе или менѣе богатый процессъ сужденія обусловливается, съ одной стороны, обиліемъ матеріала, заложеннаго въ различныхъ нейронахъ, а съ другой—богатствомъ сочетательныхъ путей и большею или меньшею привычкою къ производству сочетанія по нимъ. У человѣка нормальнаго сочетательные пути настолько богаты, что нѣтъ того мѣста въ коркѣ, которое не могло бы прійти въ сообщеніе съ другою любою точкою того или другого полушарія. Для подобнаго сочетанія служатъ прямые и косвенные пути. Если почему либо прямые сочетательные пути будутъ заторможены, то къ центрамъ сочетанія ведутъ косвенные пути. Такъ, напр., лобная доля находится съ височною въ связи посредствомъ дугообразнаго и крючковатаго пучковъ. Если почему бы то ни было сочетаніе лобной

доли по пути крючковатаго пучка нарушено, то сочетаніе пойдетъ по дугообразному пучку. Естественно, для нѣкоторыхъ случаевъ этотъ путь сочетанія будетъ непривычнымъ, къ нему нужно будетъ приспособляться и приучаться, но тѣмъ не менѣе сочетаніе существуетъ и возможно на дѣлѣ, что особенно важно въ случаяхъ различныхъ заболѣваній.

Такимъ образомъ, *сужденіе или мышленіе не есть отдѣльная душевная единица, отдѣльная самостоятельная способность, а только лишь процессъ, состоящій въ сочетаніи и сопоставленіи отдѣльныхъ представленій и понятій съ цѣлью установить тотъ или другой выводъ и дать то или другое рѣшеніе.* Это, такъ сказать, дѣлопроизводство и справка по данному дѣлу въ отдѣльныхъ департаментахъ учрежденій душевныхъ дѣлъ.

Окончательный выводъ изъ всего этого сочетательнаго акта будетъ *умозаключеніе.* Чѣмъ богаче, точнѣе и вѣрнѣе былъ справочный процессъ сужденія, тѣмъ болѣе точнымъ и вѣрнымъ будетъ само умозаключеніе. Такимъ образомъ, *умозаключеніе окончательный—мыслительный актъ,—служащій рѣшеніемъ къ тому или другому поступку, дѣйствію или выводу о томъ или другомъ явленіи.*

Здѣсь умѣстнымъ я считаю остановиться на двухъ терминахъ, очень часто въ жизни упоминаемыхъ, но не имѣющихъ собственнаго самостоятельнаго значенія. Это—разсудокъ и разумъ.

Разсудокъ—совокупность способности мышленія, богатство сочетанія, быстрота, полнота, точность и т. д. Разсудительный человѣкъ—тотъ, который въ своихъ рѣшеніяхъ, дѣйствіяхъ и поступкахъ производитъ обстоятельно и всесторонне процессъ сужденія, мышленія,—не разсудительный—тотъ, который или по природнымъ дарованіямъ, или по недостаточности упражненія, или по неумѣнью и проч. въ процессъ сужденія вводитъ ограниченное и недостаточное количество сочетаній и пользуется ими неудовлетворительно. Разсудокъ, говоритъ Шопенгауэръ, есть *разумъ*, совокупность и свойство нашей умозаключительной способности, именно то свойство, благодаря которому человѣкъ живетъ не одними только настоящими, но обозрѣваетъ и обдумываетъ прошлое и будущее, результатами чего является предусмотрительность и заботливость. Разумный человѣкъ—съумѣвшій для своихъ выводовъ пользоваться богатствомъ матеріала и мастерскимъ его сопоставленіемъ,—неразумный,—который или не можетъ, или не умѣетъ, или не хочетъ дѣлать правильныхъ и надлежащихъ сопоставленій и выводовъ въ нашемъ мышленіи.

Разсматривая нашу умственную или душевную жизнь, мы видимъ, что она дѣлится на двѣ части: активную или дѣятельную и пассивную или прозябательную. Во всякій моментъ нашей сознательной жизни мы живемъ только однимъ предметомъ, мы думаемъ только объ одномъ, при чемъ весь остальной запасъ знаній пребываетъ какъ бы въ частичномъ снѣ. Мы можемъ пробуждать его, призывать къ дѣятельности другія области жизни,—тогда тѣ начинаютъ работать, а другія отдыхаютъ и т. д. Работающія мыслительныя области и ихъ центры—нейроны находятся въ дѣятельномъ состояніи,—неработающія, прозябающія, находящіеся какъ бы въ состояніи сна—будутъ въ пассивномъ состояніи. И тѣ и другія части живутъ и питаются, но дѣя-

тельныя питаются энергичнѣе, а потому и дѣйствуютъ сильнѣе, а прозябающія питаются только настолько, чтобы сохранить свое бытіе.

Господство надъ всею этою областью принадлежитъ *сознанію*. Что такое сознаніе—вопросъ весьма важный, но и столь же трудно разрѣшимый. Безъ сознанія нѣтъ человѣка—существа мыслящаго. По моему мнѣнію, *сознаніе есть ясное, полное и отчетливое представленіе самому себѣ самого себя и всего насъ окружающаго и всего міра*. Съ этой точки зрѣнія сознаніе дѣлится на *самосознаніе* и *сознаніе*. Самосознаніе это способность нашихъ мыслительныхъ и чувственныхъ центровъ представитъ себѣ состояніе нашего духа и тѣла, т. е. всего себѣ, а сознаніе это способность дать отчетъ и представитъ себѣ весь міръ, насколько онъ былъ и есть доступенъ намъ.

Это есть самостоятельная и независимая способность нашего духа или ума, или мышленія, въ силу которой мы опредѣляемъ существованіе и бытіе нашей собственной личности,—полагаемъ порядокъ и систему въ нашемъ мышленіи, опредѣляемъ наше бытіе въ мірѣ—обстоятельства времени, мѣста и отношенія къ окружающему,—и производимъ выборъ въ отношеніяхъ внѣшняго міра къ намъ самимъ и нашихъ органовъ чувствъ.

Въ области сознательнаго воспріятія и усвоенія внѣшнихъ раздраженій играетъ весьма важную роль *вниманіе*. Повидимому, его дѣятельность тѣсно связана съ дѣятельностью сознанія. Дѣятельность послѣдняго всегда сопровождается дѣятельностью вниманія,—недѣятельность сознанія связана съ недѣятельностью вниманія. Второе—какъ бы часть перваго и притомъ часть развѣдочная и сыскная.

Всякое внѣшнее раздраженіе, видимый предметъ, слышимый звукъ дѣйствуетъ на периферію органа, производитъ въ немъ измѣненіе, передающееся затѣмъ въ подкорковый центръ, гдѣ онъ воспринимается и образуетъ извѣстное ощущеніе, первичное ощущеніе и усвоеніе, которое моментально сигнализируетъ нашему сознанію,—послѣднее послѣ этого уже обращаетъ свое вниманіе на раздражающій предметъ и видитъ его, т. е. составляетъ о немъ представленіе или образъ его. Такимъ образомъ, воспріятіе является сначала извнѣ безсознательно и образуетъ первое впечатлѣніе и усвоеніе (перцепція), которое уже затѣмъ утверждается и воспринимается (аперцепція) сознаніемъ, при содѣйствіи вниманія, въ видѣ представленія.

Вниманіе можетъ быть различнаго напряженія или интенсивности. Обычно оно среднее,—но можетъ быть слабымъ, когда или наше сознаніе сосредоточено слишкомъ на чемъ нибудь и отвлечено, или же оно утомлено, или вообще душевная жизнь подавлена, какъ при меланхоліи, ступорѣ и проч., или оно отъ природы слаба и ничтожна, какъ у идіотовъ. Но вниманіе можетъ быть и слишкомъ повышеннымъ, какъ это бываетъ при обострѣніи органовъ чувствъ, повышенной дѣятельности сознанія и умственной работы, повышенномъ чувствѣ страха и проч., болѣзненномъ повышеніи дѣятельности—максимальномъ состояніи, рѣзкой неврастеніи, истеріи и проч.

Такимъ образомъ, *вниманіе есть реакція нашего сознанія на внѣшнее раздраженіе, въ силу котораго наше сознаніе дѣлаетъ выборъ и останавли-*

вается на одномъ изъ множества одновременно дѣйствующихъ раздраженій, и составляетъ, такъ сказать, простѣйшее познавательное проявленіе сознанія.

Въ области представленій мы должны различать ихъ количество, родъ, качество, сочетанія и проч.

Въ *количественномъ отношеніи* представленій можетъ быть очень мало, или слишкомъ много. Уменьшеніе количества представленій можетъ быть абсолютное и относительное. Абсолютное уменьшеніе количества представленій происходитъ или потому, что человѣкъ не можетъ и не могъ ихъ воспринимать и образовывать, какъ это бываетъ отъ рожденія и пожизненно у идіотовъ и тупоумныхъ,—или потому что онъ не могъ ихъ воспринимать, въ силу недостатка знаній и свѣдѣній. Напр., мнѣ пришлось наблюдать одного функціональнаго идіота—12 л. мальчика, который въ степи родился и всю свою короткую жизнь пастухомъ прожилъ при отцѣ пастухѣ, нелюбившемъ разговаривать. Этотъ мальчикъ, кромѣ овецъ и поля ничего не зналъ,—но черезъ годъ онъ зналъ больше, чѣмъ его деревенскіе сверстники, онъ зналъ читать, писать, правила ариѳметики и проч. Относительное уменьшеніе можетъ быть при болѣзненномъ состояніи самочувствія и мыслительныхъ центровъ,—напр. при меланхоліи въ активномъ состояніи бываютъ только представленія мрачнаго содержанія, при ипохондріи—преимущественно представленія болѣзненнаго состоянія организма,—при маніи—представленія съ счастливымъ содержаніемъ и проч.

Увеличенное количество представленій бываетъ при обострѣніи воспріятія органами чувства, при болѣзненно усиленной мыслительной дѣятельности (въ максимальномъ состояніи) и проч. Чѣмъ меньше у даннаго человѣка представленій, тѣмъ медленнѣе они протекаютъ,—чѣмъ больше представленій, тѣмъ скорѣе они протекаютъ,—и, наоборотъ, замедленный ходъ представленій указываетъ на небольшое количество представленій и ускоренный—на увеличенное количество представленій. Уклоненія въ ходѣ представленій сравнительно съ средними заключаются въ *ускореніи хода представленій*, какъ это бываетъ при маніи, аменціи и проч.,—и замедленный, какъ то бываетъ при меланхоліи, ступорѣ и проч.

Изъ проявленій замедленнаго хода представленій обращаютъ на себя вниманіе *насильственныя представленія.* Каждому изъ насъ приходилось испытывать не разъ, какъ внезапно, иногда утромъ, появляется у насъ какой нибудь мотивъ, часто пріятный, и мы его или подпѣваемъ или слышимъ молча внутри. Это намъ пріятно, болѣе или менѣе весело. Проходитъ полъчаса, часъ,—мотивъ съ нами. Онъ намъ начинаетъ надоѣдать. Онъ намъ мѣшаетъ. Но мы никакъ не можемъ отдѣлаться отъ него. Мы стараемся забыть его, отстранить,—но онъ съ нами. Мы сердимся, бранимся,—но и это не помогаетъ. И вдругъ... онъ исчезъ совершенно незамѣтно для насъ. Нужно добавить, что и явился онъ самъ по себѣ, безъ нашего вѣдома и желанія, и исчезъ тоже самъ по себѣ. Тоже бываетъ и съ представленіями и съ мыслями и понятіями. Всѣ наши представленія и понятія являются плавно, послѣдовательно, въ связи съ предыдущимъ и въ генетической

или родовой связи съ послѣдующими. Эти же явленія бываютъ „незаконнорожденными“. Они рождаются въ настоящій моментъ безъ родителей и умираютъ безъ потомства. Таковыя же явленія бываютъ и въ болѣзненномъ состояніи, только несравненно сильнѣе и продолжительнѣе. Они „дѣлаютъ перебой“ другимъ мыслямъ, мѣшаютъ думать, мѣшаютъ работать, отравляютъ настроеніе и иногда толкаютъ на преступныя дѣйствія. Они сознаются какъ неправильныя, нелѣпыя, насильственныя,—но существуютъ противъ нашего желанія и воли. Это и будутъ *насильственныя представленія*. Въ качественномъ отношеніи представленія бываютъ ясныя, отчетливыя, опредѣленныя,—или же неясныя, смутныя и неопредѣленныя,—или слишкомъ рѣзкія и раздражающія. Всѣ эти явленія обуславливаются или состояніемъ органовъ чувствъ, или состояніемъ центровъ воспріятія и образованія представленій. У идіотовъ и тупоумныхъ представленія неясныя и туманныя,—у маніаковъ они могутъ быть очень рѣзкими и раздражительными.

Иллюзіи въ области представленій даютъ основу для *ошибочныхъ представленій*,—а галлюцинаціи—для образованія *ложныхъ представленій*. Пока нашъ разумъ нормаленъ, мы можемъ быть увѣрены, что эти ошибочныя и ложныя представленія не повліяютъ на наше мышленіе,—но при малѣйшей ненормальности нашей мыслительной дѣятельности эти представленія даютъ основу бреду. На этой почвѣ у душевно больныхъ развиваются *безумныя фиксированныя представленія* — не подвижныя, въ родѣ насильственныхъ представленій,—которыя, однако, больными принимаются за истинныя и дѣйствительныя, — иногда же развивается систематическій бредъ. Подъ именемъ *бреда разумѣется рядъ, или систематическое сочетаніе ошибочныхъ, ложныхъ и безумныхъ представленій и понятій, характеризующихся тѣмъ, что они въ сознаніи даннаго лица являются истинными, дѣйствительными и разумными.*

Уклоненія въ области понятій могутъ быть двухъ родовъ: слишкомъ слабая способность къ обобщенію представленій и даже полная неспособность превращать предметы представленій въ отвлеченныя представленія, какъ то бываютъ у людей тупыхъ и тупоумныхъ,—или же, напротивъ, слишкомъ постоянное и неосновательное обобщеніе, какъ то бываетъ при неуравновѣшенности, истеричности и проч.

Сочетаніе представленій или сужденія также нерѣдко представляютъ уклоненія отъ нормы, при чемъ сочетаніе можетъ быть или слишкомъ медленное, или слишкомъ поспѣшное, или одностороннее, или съ предумышленными или невольными пробѣлами и тогда недостаточное и ошибочное, или же даже вовсе отсутствуетъ или слишкомъ ограничено, какъ это бываетъ у идіотовъ и тупоумныхъ.

Умозаключенія стоятъ въ полной зависимости отъ количества и качества знаній и способа сужденія.

Сознаніе также представляетъ множество неправильностей, какъ въ области самосознанія, такъ и въ области сознанія внѣшняго міра.

Особенно часто у нервныхъ людей появляется неясность и туманность сознанія при просыпаніи, когда люди долго не могутъ дать себѣ отчета — кто они, что съ ними и гдѣ они?.. Отсутствіе чувствительности и измѣненія въ области осязанія иногда порождаютъ въ

самозознаніи болѣзненныя представленія о превращеніи рукъ въ золотыя, ногъ въ глиняныя, головы въ желѣзную,—иногда является признаніе превращенія человѣка въ собаку, волка, пѣтуха и проч.,—иногда появляется раздвоеніе личности; одна половина тѣла — это *я*, а другая „онъ“,—или же во времени—одно время—дѣйствительное *я*, а другой — поэтъ, фельдмаршалъ и проч.

Сознаніе внѣшняго міра можетъ представлять уклоненія во времени, мѣстѣ и обстоятельствахъ. Такъ, читая о томъ или другомъ историческомъ моментѣ, вдругъ становится необыкновенно яснымъ и точнымъ, что я жилъ въ то время и все описываемое наблюдалъ и переживалъ. Проѣзжая какимъ-либо мѣстомъ впервые, намъ кажется что это мѣсто я очень хорошо знаю и будто я уже былъ раньше здѣсь и т. п. Въ количественномъ отношеніи уклоненія въ области проявляются въ формѣ слишкомъ большой яркости и рѣдкости картинъ, — неясности и туманности картинъ, головокруженіи съ потемненіемъ сознанія, сумеречнаго состоянія и т. п.

Памятью мы называемъ тѣ слѣды или видоизмѣненія въ молекулярномъ или химическомъ строеніи нейроновъ подкорковыхъ и корковыхъ центровъ, которые происходятъ въ моментъ воздѣйствія внѣшнихъ раздраженій и воспріятій ихъ—*способность запоминанія*, которыя, спустя болѣе или менѣе продолжительный срокъ времени, могутъ быть воспроизведены въ нашемъ сознаніи—*способность припоминанія*.

Кромѣ жизни сознательной, жизнедѣятельности корковыхъ мыслительныхъ центровъ, нѣкоторыми авторами, повидимому, не безосновательно, допускается существованіе *безсознательной душевной области*, находящей себѣ мѣсто въ подкорковыхъ узлахъ. Степень развитія этой области у различныхъ людей далеко не одинаковая,—у однихъ больше, у другихъ меньше. Примѣромъ ея проявленія до нѣкоторой степени служатъ наши сновидѣнія, гипнотическое состояніе и проч. Точно также и бездѣйствіе этого безсознательнаго или несознаваемаго нами міра у различныхъ людей неодинаково отражается на ихъ мышленіи, чувствованіи и дѣйствіяхъ.

Нѣкоторые полагаютъ, что самая личность человѣка, его отличительныя черты, индивидуальность во многомъ зависитъ отъ большаго или меньшаго развитія и проявленія области безсознательнаго.

Близко къ сознательнымъ дѣйствіямъ стоитъ *инстинктъ*. По моему, *инстинктъ* присущъ всѣмъ живымъ существамъ и *представляетъ собою прирожденныя цѣлесообразныя дѣйствія, направленныя къ пользѣ бытія этого существа*. Наилучшимъ образцомъ тому можетъ служить новорожденный утенокъ, который немедленно по выходѣ изъ яйца можетъ отправиться на воду и отлично плавать и нырять. И это продѣлываетъ не только утенокъ, высиженный уткою, но и утенокъ высиженный курицею, къ вящшему ужасу послѣдней...

Привычка есть повторное, сначала сознательное, а потомъ автоматическое, проявленіе желаній и дѣйствій, обратившееся въ потребность организма, а *потребность* есть побужденіе въ нашемъ организмѣ къ удовлетворенію выраженнаго организмомъ того или другого недостатка.

Я долженъ коснуться еще двухъ душевныхъ проявленій: воображенія и фантазіи. Представленіе есть воспроизведеніе тѣхъ образовъ и предметовъ, которые мы воспринимаемъ извнѣ путемъ ощущеній при помощи органовъ чувствъ. Бываютъ случаи, *когда мы воплощаемъ въ представленіи образъ, котораго мы не видимъ, а только знаемъ по описанію или разсказу*—эта способность нашего духа будетъ носить названіе *воображенія. Фантазіей* называется *способность воспроизведенія образовъ, предметовъ, картинъ и событій путемъ видоизмѣненія отношеній и сочетаній ощущеній, у насъ существующихъ раньше.* При этомъ мы можемъ представлять, рисовать и описывать предметы, образы и событія, которыхъ мы никогда не видѣли, но создали изъ образовъ и запасовъ знаній нашей памяти, какъ живые и дѣйствительные. На этомъ создано творчество и поэтическое творчество.

IV.

Чувство и самочувствіе.

Человѣкъ рождается на свѣтъ безъ всякихъ знаній. Все то, чтя что онъ знаетъ, чѣмъ онъ мыслитъ и сознательно живетъ, получаетсо имъ при помощи органовъ нашихъ чувствъ. Эти органы даютъ намъ свѣдѣнія какъ о внѣшнемъ мірѣ, такъ и о состояніи нашего организма. О внѣшнемъ мірѣ мы получаемъ свѣдѣнія при посредствѣ органовъ зрѣнія, слуха, обонянія, осязанія и вкуса. Но помимо этого мы имѣемъ свѣдѣнія и о состояніи нашего тѣла, въ видѣ боли, усталости, голода, жажды, полового чувства, потребности отдѣленіа и т. д. Съ этой точки зрѣнія наши органы чувства можно раздѣлить на два отдѣла: органы внѣшніе и внутренніе,—и наши ощущенія также можно раздѣлить на двѣ категоріи: ощущенія внѣшнія и тѣлесныя или внутреннія.

Всѣ эти ощущенія получаются нашимъ сознаніемъ путемъ воздѣйствія, раздраженія и впечатлѣнія извнѣ или отъ периферіи. Производя въ нашихъ центрахъ извѣстныя измѣненія, извѣстное впечатлѣніе, отпечатокъ, матеріальный слѣдъ, въ формѣ расположенія составныхъ молекулярныхъ или химическихъ элементовъ, эти раздраженія вызываютъ и въ нашемъ сознаніи своего рода воздѣйствія, реакціи, отношенія. И эта реакція проявляется въ двоякомъ видѣ: въ области мышленія—о пользѣ или вредѣ впечатлѣнія или воздѣйствія и въ области чувствованія—о его пріятности, или непріятности. Часто смѣшиваютъ пріятное съ полезнымъ и непріятное съ вреднымъ. Это вѣрно только до извѣстныхъ предѣловъ и въ извѣстныхъ границахъ. Но въ очень многихъ случаяхъ это и не вѣрно. Стаканъ вина въ холодную пору для согрѣванія тѣла и полезенъ пріятенъ, въ жару онъ тоже пріятенъ, но едва ли всегда полезенъ. Еще рѣзче это видно на куреніи. Курильщикамъ оно всегда пріятно, но никогда не полезно. Слѣдовательно, эти два опредѣленія—полезное и пріятное—далеко не всегда совпадаютъ между собою.

Для насъ важно то, что всякое ощущеніе и всякое представленіе вызываетъ въ нашемъ сознаніи двоякую реакцію и двоякую оцѣнку—разсудка въ видѣ пользы и чувства—въ видѣ пріятнаго. Мы должны однако добавить, что не двѣ степени оцѣнки ощущеній и предста-

вленій существуетъ, а три: полезнаго, вреднаго и безразличнаго. Равно и въ чувствѣ мы встрѣчаемъ три степени оцѣнки пріятнаго, непріятнаго и безразличнаго. Такъ мы видимъ человѣка и онъ намъ или симпатиченъ, или антипатиченъ, или совершенно безразличенъ. Тоже и въ оцѣнкѣ разсудка. Мы видимъ яблоко и считаемъ его полезнымъ,—мы видимъ паука и считаемъ его вреднымъ и мы видимъ дорогу, которая для насъ ни то, ни се.

Реакція нашего сознанія въ формѣ оцѣнки того или другого предмета или явленія въ формѣ его пользы или вреда составляетъ область дѣйствія разсудка. *Реакція нашего сознанія на всякое ощущеніе въ формѣ пріятнаго или непріятнаго есть проявленіе чувства или чувствованія.*

Я сказалъ уже, что ощущенія наши образуются или внѣшними органами чувствъ, или внутренними. Первыя приносятъ намъ свѣдѣнія и знанія о внѣшнемъ мірѣ,—вторыя– о состояніи нашаго тѣла. Поэтому и реакція нашего сознанія въ видѣ чувствованія дѣлится на два отдѣла: на чувствованіе по отношенію къ ощущеніямъ внѣшняго мира или *чувство* и отношенія къ ощущеніямъ, получаемымъ отъ нашего собственнаго организма *самочувствіе.*

Итакъ, *самочувствіе есть реакція или оцѣнка нашего сознанія на тѣ ощущенія, которыя получаются отъ нашего собственнаго организма,* проявляемое преимущественно въ видѣ пріятнаго или непріятнаго.

Держась того положенія, что мозгъ есть часть нашего тѣла и что его отраженія—душевная жизнь—есть его функція, слѣдовательно въ строгомъ смыслѣ слова тоже тѣлесное отправленіе, мы не можемъ однако, въ качественномъ отношеніи не положить отличительной границы между функціями или отправленіями мозга и отправленіями сердца, легкихъ, печени, почекъ, кишечника, половыхъ органовъ и проч. Съ этой точки зрѣнія чувствованія должно раздѣлить на двѣ категоріи—*высшія,* составляющія реакцію нашего сознанія на процессы совершаемыя въ мозгу,—и *низшія,* совершаемыя въ органахъ растительной жизни организма. Высшія чувства называются еще *интеллектуальными* или душевными, мыслительными чувствами, а низшія—*животными.*

Наконецъ, дѣлятъ чувства и по степени ихъ напряженности или проявленія: чувства, проявляющіяся слабо и медленно—*настроеніе духа,*—менѣе длительныя и болѣе напряженныя—*душевныя волненія* и внезапно и сильнѣйше вспыхивающія—*страсти* и *аффекты.*

Разсмотрѣніе проявленія самочувствія будетъ удобнѣе примѣнительно къ каждому органу отдѣльно.

Предварительно я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ. Человѣкъ на землѣ—краса и владыка всего существующаго. Онъ повелѣваетъ и землею, и моремъ и воздухомъ. Это одна сторона медали.

Но человѣкъ вмѣстѣ съ тѣмъ есть, относительно, ничтожнѣйшее созданіе, часты мірового вещества или энергіи. Это есть временный гость невольно появившійся на свѣтъ и случайно исчезающій. Человѣкъ—это временное видоизмѣненіе мирового вещества, которое также безслѣдно исчезнетъ, какъ до того его не было. Это проявленіе неумолимаго и непобѣдимаго закона видоизмѣненія формы веще-

ства или энергіи. Весь родъ человѣческій въ вѣчности есть нѣчто временное и обязательно проходящее фазу мірового теченія. Было время, когда человѣка не было. Возможно, настанетъ ввремя когда его не будетъ. Есть нѣчто высшее насъ, есть нѣчто могущественнѣйше насъ, что установило законы нашего естества и нашего бытія. И эти законы мы въ себѣ и на себѣ осуществляемъ неуклонно неизбѣжно и безъ сопротивленія. А законовъ этихъ главнымъ образомъ два. Законъ продолженія рода и законъ сохраненія индивида, Первый законъ важнѣе и выше, потому что онъ касается большаго и во времени и въ количествѣ,—второй слабѣе и ниже, потому что онъ касается только одного звена міровой цѣпи развитія-человѣческаго рода. Эти законы не написаны на скрижаляхъ, но они ясно, точно и опредѣленно проявляются въ нашемъ естествѣ.

Законъ продолженія рода человѣческаго выраженъ въ нашемъ существѣ въ формѣ полового чувства. Онъ не одинаковъ у мужчины и женщины. У мужчины онъ сильнѣйше выраженъ въ формѣ полового чувства и влеченія и очень слабо въ видѣ отцовства; у женщины онъ особенно сильно выраженъ въ формѣ материнства и слаѣе въ формѣ полового чувства и влеченія. И это весьма естественно, почему такъ. Мужчина является исполнителемъ закона продолженія рода временно и случайно. Женщина несетъ всю тяжесть беременности питанія и воспитанія ребенка. И природа была права, давши ей высочайшее и блаженнѣйшее чувство материнства. Это чувство святое и великое и мужчины, съ этой точки зрѣнія, очень обойдены и въ нравственномъ отношеніи стоятъ неизмѣримо ниже женщины, ибо они въ законѣ совершенствованія рода участвуютъ только низшими, органическими чувствами, тогда какъ женщины проявляютъ его высочайшими духовными дарами материнства.

Почему то у насъ замалчиваютъ о половомъ чувствѣ и материнствѣ. Объ этомъ говорить въ общемъ стыдно. Этого дѣти знать не должны.

Это вѣковая ошибка. Половое чувство—двигатель мірового закона. Его установили не мы, а Кто-то стоящій выше насъ. Его установилъ создавшій міръ и законы естества. Нѣтъ ничего на свѣтѣ столь святого, чего нельзя было бы словами опошлить,—и нѣтъ ничего на свѣтѣ столь пошлаго, о чемъ нельзя было бы серьезно и порядочно изложить передъ самою высоконравственною аудиторіею. И половое чувство, въ связи съ материнствомъ и отцовствомъ, не должно укрываться отъ общества и людей. Оно есть проявленіе высочайшаго и святѣйшаго закона, установленнаго искони и несависимаго отъ насъ. И не намъ его замалчивать и уничтожать. Загрязнять и уничтожать этотъ законъ—не исполненіе его, а злоупотребленіе его проявленіями.

Половое ощущеніе состоитъ въ особенномъ чрезвычайно сильномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятномъ проявленіи половыхъ органовъ у мужчины и женщины. Оно проявляется не съ дѣтства, а съ 16—18 лѣтъ, когда организмъ настолько укрѣпляется, что сможетъ служить для оправданія закона продолженія рода. Половое чувство слабѣе про-

*) *Проф. П. И. Ковалевскій.* Мирозданіе.

является у людей больныхъ и хилыхъ, а равно и у стариковъ, когда организмъ уже вѣтшаетъ и можетъ дать слабое и хилое потомство, могущее пойти къ вырожденію, а не къ укрѣпленію и совершенствованію рода. У мужчины половое чувство развито сильнѣе, потому что его чувство отцовства ничтожно. Его жизнь направлена на совершенствованіе общественныхъ условій бытія и тѣмъ путемъ охрану рода человѣческаго. Женщина мать имѣетъ половое чувство слабѣе выраженнымъ и если она выполняетъ законъ продолженія рода, то не столько по побужденію полового чувства, сколько по побужденію *чувства материнства*, т. е. побужденія имѣть дѣтей и любить дѣтей.

Второй законъ бытія—сохраненіе индивида или личности. Для выполненія его служатъ въ области самочувствія проявленія укрѣпляющія организмъ и устраняющія изъ организма тѣ части, которыя являются отработанными.

Въ первомъ отношеніи являются *голодъ* и *жажда*. Голодъ ощущеніе въ области желудка и даже отчасти всего организма заявленія о необходимости пополненія пищевыми веществами. Утоленіе голода и жажды сопровождается очень пріятными ощущеніями. Но это утоленіе имѣетъ свой предѣлъ и выражается ощущеніемъ довольства и полноты—*сытость*. Если человѣкъ не воздерживается на этомъ, а переѣдаетъ, или перепиваетъ, то появляется *пресыщеніе*, проявляющееся уже непріятными оттѣнками въ самочувствіи. При дальнѣйшей попыткѣ удовлетворенія самочувствіе проявляется *отвращеніемъ*, выражающееся стремленіемъ удалить эти пищевыя вещества, или удалиться отъ нихъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это чувство отвращенія остается къ веществамъ, вызвавшимъ его, на долго и даже на всю жизнь.

Посредствомъ *легкихъ* мы вдыхаемъ кислородъ и выдыхаемъ продуктъ отработки—углекислоту. Избытокъ вдыхаемаго кислорода ощущается чувствомъ легкости, свободы, бодрости, свѣжести и силы,—недостатокъ кислорода и избытокъ углекислоты даются знать слабостью, несвободой, чувствомъ гнета, пониженіемъ жизненности, а затѣмъ утомленіемъ, томленіемъ, тоскою и печалью. Наилучшимъ доказательствомъ перваго служитъ наше самочувствіе, когда мы забираемся на горы, на берегъ моря и проч.,—а второго—когда мы находимся въ пещерахъ, непровѣтриваемыхъ комнатахъ и проч.

Итакъ, *легкость* въ организмѣ, *свобода*, *бодрость*, *свѣжесть* и чувство *мощи* и *силы*—есть сытость нашей мускульной и нервной системы и всего организма достаточными количествами кислорода. Напротивъ, голодъ и жажда кислорода и избытокъ въ мускулахъ и крови углекислоты, молочной кислоты и другихъ продуктовъ отработки организма выражаются въ нашемъ самочувствіи *слабостью*, *вялостью*, *несвободой* дѣйствія, *гнетомъ*, пониженіемъ *жизненности*, *утомленіемъ*, *томленіемъ*, *стѣсненіемъ* въ груди, *удушьемъ*, *печалью и тоскою*. Всѣ эти явленія второй категоріи, особенно томленіе, стѣсненіе, печаль и тоска, могутъ происходить, какъ отъ недостатка кислорода воздуха въ окружающей средѣ, такъ и при страданіи легкихъ, сердца и кровеносныхъ сосудовъ, когда или въ недостаточной степени происходитъ окисленіе крови, или къ органамъ доходитъ недостаточное количество

крови, или когда кровь изъ сосудовъ въ недостаточномъ количествѣ проникаетъ въ ткани.

Утоленіе всѣхъ сортовъ голода очень быстро и немѣрно, большими количествами за разъ, носитъ названіе *жадности*. Это проявленіе самочувствія относится и къ голоду нравственному и къ голоду умственному.

Патологическія проявленія голода и жажды особенно рѣзко проявляются въ формѣ неудержимаго *пьянства*, *запоя*, морфинизма, куренья, кокаиноманіи и проч.

Если пищевыя вещества твердыя, жидкія и газообразныя (съ пищею и путемъ дыханія) вступаютъ вмѣстѣ съ ядовитыми веществами, то появляется осебенное чувство *тошноты* или реакція нашего организма въ видѣ стремленія къ удаленію ядовитыхъ веществъ изъ организма рвотою, или побужденіемъ къ выходу на свѣжій воздухъ (при угарѣ и проч.). На этой почвѣ возникаетъ чувство *отвращенія* или непреодалимаго отрицательнаго отношенія къ данному предмету и даже лицу.

Какъ существуетъ голодъ и жажда пищи, питья и воздуха, такъ иногда наблюдается жажда свѣта, звуковъ, мелодій, пѣнія, тепла и т. п.

Это послѣднее проявленіе реакціи самочувствія служитъ переходомъ къ проявленію тѣхъ видовъ самочувствія, которые служатъ побужденіемъ къ удаленію изъ организма отработанныхъ и негодныхъ продуктовъ. Такъ, въ области *мочевыхъ органовъ* появляется особенное ощущеніе — *позывъ къ отдѣленію мочи*, при чемъ самъ процессъ мочеотдѣленія природа прикрасила оттѣнкомъ пріятнаго самочувствія: точно также въ области *прямой кишки* въ извѣстные моменты появленія *позывъ къ удаленію* переработанныхъ и негодныхъ пищевыхъ продуктовъ, — при чемъ опять таки и здѣсь процессъ отдѣленія сопровождается проявленіемъ пріятнаго самочувствія, а степень этого послѣдняго стоитъ въ прямомъ соотвѣтствіи со степенью напряженности позыва.

Нарушеніе цѣлости частей тѣла (кожи, слизистыхъ, нервныхъ окончаній и проч.) сопровождается въ самочувствіи особеннымъ состояніемъ *боли*. Такъ это бываетъ при уколахъ, порѣзахъ, прижиганіи, обмораживаніи, размозженіи и проч. Такимъ образомъ *боль есть реакція нашего самочувствія на внѣшнія и внутреннія воздѣйствія, имѣющія послѣдствіемъ нарушенія цѣлости частей тѣла*. Различныя степени этихъ нарушеній и проявленій боли не рѣдко не ограничиваются только самочувствіемъ боли, но могутъ вызывать рефлекты и въ другихъ частяхъ организма, — такъ, напр., въ отдѣлительныхъ органахъ, въ видѣ *слезъ* и даже мочи, — въ дыхательныхъ органахъ въ видѣ *крика*, *стона* и проч., и во всемъ организмѣ, въ видѣ *безпокойныхъ движеній* и *защитительныхъ движеній*.

Все вышеизложенное составляетъ отдѣлъ самочувствія относящійся къ нашему тѣлу, иначе *тѣлесное самочувствіе*. Патологическое состояніе этого самочувствія особенно рѣзко проявляется при *ипохондріи*, когда человѣкъ испытываетъ болѣзненныя ощущенія, идущія отъ всѣхъ частей нашего тѣла. Въ здоровомъ состояніи мы не ощу-

щаемъ ни печени, ни почекъ, ни кишекъ и т. п., но когда эти органы заболѣваютъ, то мы чувствуемъ въ ихъ области боль. При ипохондріи въ огромномъ большинствѣ случаевъ болѣзненное самочувствіе отъ самыхъ различныхъ частей тѣла получается безъ физическихъ основаній въ области данныхъ органовъ.

Но кромѣ тѣлеснаго самочувствія въ душѣ человѣка получается еще *самочувствіе душевное* — реакція нашего сознанія на возникающія у насъ мысли, убѣжденія, понятія и сужденія. Возьмемъ самые простѣйшіе примѣры. Ребенокъ учитъ урокъ. Онъ его выучилъ и чувствуетъ себя очень хорошо и радостно. Онъ его учитъ, но не выучилъ. Ужасная печаль, грусть и досада одолѣваютъ малюткой. Вотъ это реакція нашего сознанія и составляетъ душевное самочувствіе человѣка.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію проявленій душевнаго самочувствія, я позволю себѣ сказать два слова о томъ, что такое „личность“ и что такое „я“. Личность — это совокупность мыслительной и чувствительной жизни человѣка въ его прошломъ, настоящемъ и будущемъ. *Я* — это совокупность знаній и чувствованій настоящаго. Я измѣняемо. Личность исторія — я.

Высочайшее проявленіе душевнаго самочувствія это *сознаніе своего личнаго человѣческаго достоинства.* Въ этомъ актѣ человѣкъ признаетъ себя высшимъ существомъ, одареннымъ сознаніемъ, мышленіемъ, чувствомъ и волею.

Чувство человѣческаго достоинства есть признаніе въ себѣ высшихъ душевныхъ качествъ — мышленія, сознанія и чувства, которымъ такое существо ставится на первую ступень земного бытія и въ силу которыхъ дается право человѣку требовать и отъ другихъ признанія этихъ высшихъ качествъ. Проявленія этого чувства: самосознаніе, самолюбіе, самонадѣянность, самоувѣренность. Такимъ образомъ — это есть реакція нашего сознанія на сумму нашихъ душевныхъ свойствъ.

Такое высокое положеніе нашего *Я* тѣмъ самымъ вызываетъ въ насъ другое высокое качество — *чувство долга.* Чувство долга обязываетъ насъ къ исполненію тѣхъ нашихъ обязанностей, которыя возлагаются на насъ нашимъ высокимъ положеніемъ въ лѣстницѣ мірозданія. *Чувство долга есть реакція нашего сознанія въ формѣ выполненія всѣхъ условій нашего бытія, которыя оправдали бы наше высокое человѣческое достоинство.* Если мы дѣйствительно стоимъ на высокой лѣстницѣ сознательнаго и мыслящаго существа — человѣка, то это обязываетъ насъ жить и дѣйствовать такъ, чтобы не загрязнить и не ослабить нашего положенія.

Эти проявленія самочувствія переводятъ насъ невольно въ область чувствованія или въ реакцію нашего чувства и сознанія къ внѣшнимъ предметамъ.

Эти чувствованія дѣлятся опять таки на высшія и низшія, *душевныя и тѣлесныя* или физическія. Начнемъ съ высшихъ или душевныхъ.

Они дѣлятся на три категоріи эстетическія, идейныя или мыслительныя и нравственныя.

Высшимъ проявленіемъ чувства по отношенію къ существующему внѣ насъ — любовь къ Богу и ближнему.

Человѣкъ не можетъ не сознавать того, что кромѣ міра есть нѣчто, что создало міръ. Міръ не можетъ явиться изъ ничего. Если по отношенію къ намъ вещество или энергія могутъ быть безконечны и безпредѣльны, то по отношенію къ абсолютному міръ долженъ имѣть начало и конецъ. А потому долженъ быть нѣкто, кто создалъ бы этотъ міръ и кто положитъ предѣлъ ему. Этотъ нѣкто есть Высшее надъ міромъ существо. Это — Богъ. Бываютъ минуты, когда самые сильные и мощные люди испытываютъ отчаяніе, слабость и ничтожество. И они въ такія минуты ищутъ помощи, поддержки и утѣшенія у того Высшаго существа. А потому всякій человѣкъ имѣетъ своего Бога, къ которому питаетъ безграничное уваженіе, преданность и любовь. Нѣтъ человѣка безъ Бога, только у различныхъ людей имѣется свой Богъ.

И вотъ первое проявленіе человѣческой *любви* направляется къ этому *Богу*.

Рядомъ съ этимъ чувствомъ любви къ высшему существу стоитъ *религіозное чувство*, выражающееся почтеніемъ и благоговѣніемъ ко всему тому, что имѣетъ отношеніе къ избранному Божеству.

Затѣмъ не менѣе высокимъ является *любовь къ ближнему*. Въ этомъ отношеніи мы наблюдаемъ различныя степени любви: *любовь къ подругѣ*, какъ выполненіе закона продолженія рода, — *любовь матери и отца къ дѣтямъ*, какъ продолженіе самихъ себя въ бытіи, — любовь *дѣтей къ родителямъ*. Послѣдняя любовь имѣетъ чисто физіологическую основу. Это любовь части цѣлаго къ цѣлому, — любовь плоти отъ плоти и крови отъ крови.

Затѣмъ слѣдуетъ чувство любви и благожелательства къ роднымъ и родственникамъ, землякамъ и соотечественникамъ. Наконецъ любовь къ человѣку.

Эта послѣдняя любовь — явленіе чисто идейное. Человѣкъ, сознающій свое собственное достоинство и испытывающій чувство долга, не можетъ не любить и не уважать другого человѣка, ибо другой человѣкъ такой же человѣкъ, какъ и *Я*. Это такое же сознающее и мыслящее существо, какъ и *Я*. И если *Я* считаю въ правѣ признавать въ себѣ нѣчто и требовать отъ другихъ къ себѣ уваженія, то и я обязуюсь тѣмъ самымъ уважать въ другихъ человѣческое достоинство. Великая истина: возлюбиши искренняго твоего, какъ самого себя. Только человѣкъ неуважающій себя, можетъ допустить грубость по отношенію къ другому.

Неуваженіе въ другомъ человѣкѣ человѣка есть оскорбленіе нашего личнаго достоинства.

На этой любви къ ближнему зиждется *милосердіе* — оказаніе ближнему благорасположенія, *состраданіе* — выраженіе сочувствія и участія въ несчастьи, — высшее же проявленіе этой любви къ ближнему будетъ *самопожертвованіе* — принесеніе себя въ жертву на пользу другихъ. Легчайшія степени этой любви будутъ *товарищество, сочувствіе, дружба* и проч.

Въ этомъ отношеніи играетъ важную роль организація человѣка: одни по природѣ общительны и проявляютъ склонность и стремленіе къ помощи ближнему, — другіе замкнуты, сосредоточены, угрюмы и не общительны.

Идейная любовь можетъ проявляться какъ къ человѣку, такъ и *къ человѣчеству*, безъ различія лицъ. Таково и чувство землячества, любовь и преданность къ *націи* (націонализмъ), любовь къ *родинѣ* (патріотизмъ) и любовь ко всему человѣчеству.

Примитивный законъ притяженія и отталкиванія молекулъ въ человѣчествѣ проявляется чувствомъ симпатіи и антипатіи — влеченія и отталкиванія или отвращенія.

Ниже любви къ ближнему стоитъ любовь къ животнымъ, любовь къ цвѣтамъ и растеніямъ, къ красотамъ природы и ко всему прекрасному.

Но рядомъ съ этими положительными сторонами душевной жизни человѣка, рядомъ съ тѣми высокими чувствами, нерѣдко въ людяхъ наблюдаются проявленія чувства отрицательныя.

Сюда относятся эгоизмъ или *самолюбіе*, когда человѣкъ любовь къ себѣ ставитъ значительно выше любви къ ближнему, — *самодовольство* — личное переживаніе, всѣмъ замѣтное, своихъ высокихъ качествъ, — а выраженіе этого чувства будетъ составлять — *восхищеніе; гордость* — когда человѣкъ признаетъ себя выше другихъ, — *высокомѣріе* — когда человѣкъ въ своихъ отношеніяхъ не можетъ не проявлять что онъ выше другихъ, — *пренебреженіе* — когда человѣкъ не достаточно по достоинству относится къ тѣмъ или другимъ лицамъ, — *презрѣніе* — когда человѣкъ унижаетъ достоинства другихъ, — *честолюбіе* — когда человѣкъ проявляетъ требованіе, чтобы къ нему относились съ почтеніемъ, — *тщеславіе*, когда человѣкъ слишкомъ много превозносится внѣшними и недостаточно почтенными достоинствами, — *хвастовство*, когда человѣкъ всѣмъ старается довести до свѣдѣнія о своихъ качествахъ, выставляя ихъ высокими, выше мѣры.

Въ отношеніяхъ къ другимъ людямъ одни люди проявляютъ *правдивость, прямоту, искренность и безпристрастіе*, — другіе *притворство, лицемѣріе, обманъ, хитрость и лживость*.

Замѣчая превосходство другихъ людей надъ собою, одни этому отдаютъ должную дань *уваженія*, другіе испытываютъ непріятное чувство злобы на превосходство — *зависть* и въ случаѣ возможности дѣлаютъ имъ зло и проявляютъ *мстительность*.

Внѣшнія воздѣйствія, приносящія намъ удовлетвореніе, вызываютъ въ насъ чувство *пріятнаго, веселое настроеніе, довольство, счастье* и *радость*, напротивъ, воздѣйствія, ощущенія и представленія обусловливающія непріятность, боль, лишенія и неудовлетворительность желаній и стремленій вызываютъ или затяжныя чувства *печали, грусти, досады, раздражительности, негодованія* и *ненависти*, — или острую вспышку *гнѣва* и *ярости*. Воздѣйствія, производящія опасность личности или имуществу вызываютъ *боязнь, опасеніе, трусость* и *страхъ*.

Проявивъ по отношенію къ кому либо несправедливость, одни люди испытываютъ чувство *виновности* и *раскаянія* или выраженіе

сожалѣнія о содѣянномъ и рѣшимость этого не дѣлать, — *стыдъ* или чувство сознанія неприличія и недобропорядочность содѣяннаго.

Въ случаѣ опасности наблюдаются: осторожность, самосохраненіе, безстрашіе, безбоязненность, надежность, мужество, беззавѣтность, подвигъ, доблесть, геройство, богатырство и рыцарство. Къ отрицательнымъ свойствамъ относятся: малодушіе, робость, боязнь, трусливость, ужасъ.

Низкія проявленія нравственности или безнравственныя проявленія выражаются въ *безстыдствѣ*, отсутствіи раскаянія, *озлобленіи, равнодушіи къ чужому горю, глумленіи, жестокосердіи, злорадствѣ* и *кровожадности.*

Бользненныя проявленія эгоистическаго чувства выражается въ формы *страстей или эмоцій.* Таковы страсти къ пьянству, половому удовлетворенію, карточной игрѣ, воровству, поджогу, убійству, — страсти къ удовольствіямъ и раскошной жизни, страсть пріобрѣтенія, скопидомство, коллекціонизмъ, скупость, скряжничество, плюшкинство и т. п.

Всѣ эти страсти — явленія затяжныя и дѣйствуютъ такъ сильно, что побѣждаютъ выводы разсудка и держатъ его въ подчиненіи.

Страсти или эмоціи могутъ проявлятся или скоро, быстро и бурно, — или же затяжно, хронически.

Острая эмоція это *аффектъ.* Такая эмоція есть нарушеніе устойчивости и равновѣсія нашей личности, вызванное внѣшнимъ воздѣйствіемъ, съ реакціей пріятнаго или непріятнаго и съ нарушеніемъ правильности отправленій во всѣхъ областяхъ нашей душевной и тѣлесной жизни. Въ тѣхъ случаяхъ, по Janet, человѣкъ лишается способности приспособленія къ обстоятельствамъ жизни, хотя не всегда теряетъ сознаніе и признаетъ необходимость реагировать на нихъ, но вмѣсто обычной нормальной реакціи получается потрясеніе всѣхъ функцій организма. Эмотивность есть склонность къ замѣнѣ высшихъ операцій приспособленности повышенныхъ воздѣйствій низшихъ операцій, особенно грубыхъ. Въ затяжныхъ случаяхъ эмотивности послѣдняя зиждется или на прирожденныхъ свойствахъ организма, или на проявленіяхъ истощенія и подорванности организма. Во всѣхъ случаяхъ быстро протекающая эмоція заканчивается истощеніемъ и безразличіемъ.

Смотря по свойству вызвавшей причины, острыя эмоціи или аффекты могутъ проявляться или состояніемъ возбужденія или состояніемъ угнетенія почему Kant дѣлитъ аффекты на стеническіе и астеническіе. Стеническіе выражаются крайними возбужденіями, какъ: радость, печаль, гнѣвъ, ярость и проч.,— астеническіе выражаются оцѣпененіемъ и подавленностью, какъ ужасъ и проч. По напряженности, длительности и свойствамъ проявленія аффекты должно раздѣлить на физіологическіе и паталогическіе*). Съ точки зрѣнія судебной, физіологическіе аффекты и эмоціи подлежатъ вмѣняемости и отвѣтственности, тогда какъ паталогическіе аффекты представляютъ собою состояніе умопзступленія, доходящее до совершеннаго безпа-

*) Проф. П. И. Ковалевскій. Душевныя болѣзни.

мятства,—и такіе аффекты избавляютъ преступника отъ отвѣтственности.

Съ чувствованіемъ и самочувствіемъ тѣсно связаны *влеченіе* и *желаніе*, — а также *отталкиваніе и отвращеніе*.

Влеченіе есть чувство притяженія или тяготѣнія къ человѣку, къ тому или другому предмету, дѣйствію и поступку, — желаніе — это притяженіе съ присоединеніемъ потребности овладѣть предметомъ, или привести въ осуществленіе притяженіе. Сильное желаніе нерѣдко переходитъ въ страсть, о чемъ было говорено выше.

Побужденіе или *импульсъ* есть непреодолимое тяготѣніе къ совершенію того или другого дѣйствія или поступка. Это тяготѣніе совершается при полномъ сознаніи неразумности и нелѣпости поступка, а потому противъ сознанія и воли. Такія побуждеія изрѣдка встрѣчаются въ нормальной жизни, но чаще у нервныхъ и душевныхъ больныхъ. Это есть насильственное желаніе приводить въ исполненіе при полномъ сознаніи его нелѣпости и даже преступности. Таковы побужденія или импульсы къ воровству, поджогу и даже убійству. Импульсы стоятъ на перепутьи между чувствами и дѣйствіями или поступками. Въ большинствѣ случаевъ импульсы являются внезапно и настолько сильно, что подавляютъ доводы разсудка.

Сумма душевной жизни—чувства, чувствованія, мышленіе и волевые поступки и дѣйствія. До сихъ поръ мы разсмотрѣли воспринятія чувствъ, проявленія мыслительной области или мышленія и чувствованія и эмоціи. Невольно является вопросъ въ какомъ отношеніи въ душевной жизни стоятъ области мышленія и чувствованія, разсудокъ и чувство?

Принято думать, что въ нормальной жизни всегда преобладаетъ разсудокъ надъ чувствами, мышленіе надъ чувствованіемъ. И чѣмъ человѣкъ умнѣе, чѣмъ человѣкъ выше въ умственномъ отношеніи, тѣмъ легче и свободнѣе умѣетъ усмирять и сдерживать свои чувства и страсти. Въ этомъ отношеніи въ жизни мы имѣемъ цѣлую лѣстницу взаимодѣйствія этихъ двухъ душевныхъ началъ: отъ полнаго обладанія разсудка до безстрастности и до полнаго господства страстей.

Разсматривая эти факты, которые даетъ намъ жизнь въ томъ отношеніи, мы видимъ прежде всего норму. Въ каждомъ сужденіи въ одинаковой мѣрѣ принимаютъ участіе и доводы разсудка и побужденія чувства. Все то подвергается тщательнѣйшему разбору въ формѣ сужденія и въ концѣ концовъ получается тотъ или другой выводъ, въ которомъ мы видимъ или сознательное господство доводовъ разума и „должно“, или же рузумъ считаетъ возможнымъ и позволительнымъ принять рѣшеніе въ пользу чувства, „мнѣ нравится“, „мнѣ пріятно“, „хочу“, но это рѣшеніе является вполнѣ сознательнымъ и строго обдуманнымъ, слѣдовательно, подчиненнымъ разсудку или процессу мышленія.

Первый шагъ по пути къ ненормальности будетъ *неустойчивость*. У этихъ людей разсудокъ средній или нѣсколько ниже средняго,—но за то чувства и страсти развиты въ очень сильной степени. Поводы этихъ чувствъ и эмоціи могутъ быть качества высокаго, благородны, возвышенны—но ихъ напряженность настолько велика, что парализуетъ

дѣйствіе мышленія. Влеченія и тяготенія недостаточно оцѣниваютъ разсудокъ и въ свемъ рѣшеніи имѣютъ одинаковую силу съ ними. Отсюда у этихъ людей нѣтъ опредѣленныхъ убѣжденій, нѣтъ направленія, нѣтъ цѣльной личности. Они игра случая, игра минуты, игра влеченія и увлеченія. Они не постоянны и мѣняются со смѣною чувства, влеченій и эмоцій. По этому на нихъ полагаться нельзя. Хотя они въ данный моментъ и составляютъ извѣстное мнѣніе, извѣстное рѣшеніе, но придетъ новая волна эмоціи и они немедленно покидаютъ свое мнѣніе и переходятъ къ другому. Такихъ людей на свѣтѣ не мало. Они не больны, но они не надежны.

Вторая степень *неуравновѣшенность*. Разсудокъ средній или ниже средняго. Страсти и эмоціи характера высокаго и благороднаго, хотя изподтишка иногда проявляются и прорываются и низенкія, пошленькія, но по мѣрѣ возможности втихомолку, по секрету. А такъ какъ чувства и страсти не устойчивы, а постепенно смѣняютъ другъ друга, то и душевный номеръ, душевное настроеніе этихъ людей постепенно измѣнчиво. Они суетливы, не могутъ останавливаться на одномъ предметѣ, перескакиваютъ отъ впечатлѣнія къ впечатлѣнію. Они не могутъ долго читать, писать, заниматься. Покидаютъ одно мѣсто, перебѣгаютъ въ другое, чтобы немедленно бѣжать въ третье. На видъ они какъ всѣ, но поражаютъ своею дѣтскостью и непредпріимчивостью: Ихъ рѣчь наборъ отдѣльныхъ фактовъ, безъ связи и послѣдовательности. Они добродушны, услужливы любезны, но вмѣстѣ съ тѣмъ лѣнивы, беззаботны и безпечны. Они часто говорятъ зло не потому, чтобы хотѣли сдѣлать зло, а просто по легкомыслію и недомыслію. Ихъ развлеченія очень легкія—оперетки, скачки, циркъ. Ихъ занятія—спортъ, да и тотъ ничтожный.

Всегда чувства и эмоціи развиваются не во всемъ объемѣ, а *частично* и проявляютъ свое преобладаніе въ этой своей усиленной области. Такъ создаются *политическіе фанатики, религіозные фанатики, коллекціонисты и плюшкины*.

Третья ступень *нравственно недостаточные*, когда при среднемъ или ниже средняго разсудка *царятъ чувства и эмоціи низшаго и грязнаго порядка*. Это эгоиты низшаго порядка, воры, мошенники, картежники, насильники, развратники, шантажисты, хулиганы и проч.

Четвертая степень *прирожденная преступность*—разсудокъ средній или ниже средняго, *отсутствіе чувства и эмоціи высокаго и нравственнаго свойства, господство чувствъ и эмоціи низшаго и грязнаго свойства и замѣнъ высшихъ эмоцій (эквивалентъ) эмоціями дикихъ и хитрыхъ животныхъ, какъ наслажденіе мученіями и страданіями другихъ, влеченіе къ истерзаннымъ, хищничество и кровожадность*.

Пятая степень *тупоуміе и идіотизмъ*, когда и умъ и чувства стоятъ на слишкомъ низкой степени и человѣкъ живетъ органическою жизнью.

Мнѣ остается сказать объ экстазѣ.

Бываютъ моменты въ жизни каждаго изъ насъ, когда мы отвлекаемся отъ внѣшняго міра, замыкаемся въ себѣ „и думаемъ“, мыслимъ, разсуждаемъ. Въ этомъ процессѣ мы живемъ прошлымъ. Мы воспроизводимъ запасныя наши представленія, понятія, готовые выводы, образы, числа и т. д.,—все это сопоставляемъ, опять къ том

добавляемъ, нѣчто отнимаемъ и т. д., пока, наконецъ не приходимъ къ тому или другому рѣшенію. Часто много разъ мы продѣлываемъ тоже, чтобы провѣрить себя, лучше что-нибудь сопоставить, иной выводъ найти и т. д. Часто мы даемъ себѣ задачу и должны разрѣшить ее. Да и вся наша жизнь состоитъ изъ задачъ, которыя мы должны безконечно разрѣшать. Въ этомъ жизненномъ процессѣ сказывается душевная индивидуальность человѣка. Въ однихъ случаяхъ человѣкъ живетъ въ себѣ преимущественно отвлеченными понятіями и мыслями—философы,—въ другихъ—числовыми данными математики,—еще иные--живою жизнью, образами, реальными событіями, практическими данными—это всѣ простые смертные; есть люди, которые не умѣютъ думать, люди съ душевной пустотой, они скучаютъ,—но есть люди, которые эту пустоту выполняютъ преимущественно образами, живутъ воображеніемъ, при чемъ, при сопоставленіи, различно представляютъ ихъ, сочетаютъ не въ жизненномъ порядкѣ, а по своему усмотрѣнію, составляютъ не жизненныя, а собственныя сочетанія происшествія, выдуманныя событія,—словомъ живутъ своей *фантазіей*—фантазируютъ.

Воображеніе—это возстановленіе дѣйствительно существующихъ въ жизни предметовъ, усвоенныхъ нами или путемъ зрительнаго воздѣйствія, или путемъ описанія и разслѣда. Фантазія—это созданіе въ нашемъ сознаніи образовъ, происшествій и событій изъ существующихъ въ нашей памяти образовъ, но въ сочетаніи искуственномъ, по нашему выбору и соизволенію.

Склонность ко фантазированію нерѣдко присуща человѣку отъ рожденія, —другой разъ она развивается путемъ упражненія. Во всякомъ случаѣ въ формированіи личности человѣка въ данномъ направленіи играютъ одинаковую роль и наслѣдственныя качества и и жизненныя условія.

Сильное фонтазированіе или жизнь въ образахъ и созданіи фантазіи можетъ быть разносторонею, или же даннымъ лицомъ излюбливается одинъ какой нибудь уголокъ жизни и въ немъ уже избранно и живетъ человѣкъ. Такимъ міркомъ могутъ быть: борьба съ лицами, которыя почему либо насъ притѣсняютъ и обращаются съ нами дурно, причемъ изо дня въ день переживаются созданныя нами картины, гдѣ главнымъ героемъ и страдающимъ лицомъ являемся мы,—или фантастическія путешествія въ лѣсахъ, пампасахъ и льяносахъ, Сибири и проч.,—или фантастическія наши похожденія въ политической борьбѣ съ жандармами, полиціей. соціалъ-революціонерами и проч.—или картины религіознаго характера. Особенно часто бываютъ эти послѣднія.

Чѣмъ чаще мы упражняемся въ этомъ фантазированіи, тѣмъ яснѣе становятся образы, тѣмъ живѣе и реальнѣе представляются картины, тѣмъ яснѣе и ярче наши событія, тѣмъ яснѣе и свободнѣе они протекаютъ. Постепенно всѣ эти картины становятся чѣмъ то роднымъ, нашимъ живымъ міромъ, въ которомъ мы оперируемъ, какъ въ живой жизни. И чѣмъ больше мы разрабатываемъ этотъ мірокъ, тѣмъ больше и больше онъ насъ тянетъ къ себѣ. Всякую свободную минуту мы спѣшимъ погрузиться въ свой мірокъ и жить

его жизнью, его радостями и огорченіями, успѣхами и неуспѣхами, исторіями и происшествіями. Тамъ создается цѣлая жизнь изъ лицъ и дѣяній. Устраиваются извѣстныя отношенія человѣческія со всѣми ихъ реальными послѣдствіями.

Прежде всего эта фантастическая жизнь *отражается на* нашемъ собственномъ *самочувствіи*. Вообще въ жизни всѣ образы, картины, событія и проч. сопровождаются въ насъ реакціей самочувствія пріятнаго, или непріятнаго свойства, печали и радости, горя и счастья и проч.

Естественно, что, и при переживаніи различныхъ исторій и событій, создаваемыхъ нашею фантазіей, и послѣднія будутъ въ нашемъ самочувствіи обслуживать 1. *реакцію пріятнаго или непріятнаго* на образы, впечатлѣнія и событія нашего фантастическаго микрокозма. Степень и напряженность этой реакціи будутъ соотвѣтствовать степени напряженности происшествій и связанныхъ съ ними эмоцій. Далеко не рѣдкость, что въ переживаніи этихъ событій на лицѣ переживающаго мы видимъ слезы, радости, счастья и блаженства и слезы горя и страданія.

2. Иногда эти отклики самочувствія не ограничиваются періодомъ фантазированія и длятся и послѣ того, по пробужденіи изъ ихъ фантастическаго сна. Въ такихъ случаяхъ симпатіи и антипатіи ихъ фантазированія невольно и естественно отражаются на тѣхъ лицахъ, съ коими они имѣли дѣло въ ихъ фантастической жизни. Такимъ образомъ второе воздѣйствіе образовъ и событій фантазій будетъ состоять и *отражаться на отношеніи ихъ къ дѣйствительному міру и окружающими лицами*.

3. Постепенно повторяемые образы фантазіи имѣютъ въ своей основѣ дѣйствительныя, живыя, реальные ощущенія, представленія и образы. Эти ощущенія и образы, при ихъ воспроизведеніи въ памяти, всегда слабѣе настоящихъ, воспринимаемыхъ въ данный моментъ ощущеній. Но когда фантазія ихъ оживляется, видоизмѣняется, создаетъ изъ нихъ новыя, одухотворяетъ жизненность и превращаетъ въ живыя происшествія, образы, звуки, разговоры, дѣянія и проч., то они становятся столь же яркими, какъ настоящія ощущенія. Мало того, при особенной болѣзненной возбудимости натуры фантазера, они становятся еще живѣе, еще ярче, еще рѣзче, еще настойчивѣе, чѣмъ дѣйствительныя. Эти ощущенія превращаются въ *галлюцинаціи*, т. е. въ живыя реальныя ощущенія, созданныя нашей фантазіей и нашимъ внутреннымъ творчествомъ въ нашихъ подкорневыхъ центрахъ. На этомъ зиждется творчество поэтовъ и художниковъ,—на этомъ же зиждется и патологическій міръ фантазіи истеричныхъ.

4. При далнѣйшей повторности фантазированія съ одной стороны происходитъ ослабленіе мыслительнаго контроля надъ нашей жизнью вообще,—такъ какъ фантазія и самосознаніе далеко не всегда поддерживаютъ другъ друга, а иногда даже стоятъ въ противодѣйствіи, а по отношенію къ лицамъ и событіямъ фантазіи въ особенности,—а съ другой стороны на дѣйствительныя событія жизни невольно, безсознательно накладываются неправильныя, недѣйствительныя, а измышленныя черты изъ жизни фантазіи,—поэтому въ дѣйствительной

жизни создаются убѣжденія извращаемыя, неправильныя, ошибочныя принимаемыя, однако, фантазерами за дѣйствительныя. Такимъ образомъ возникаетъ механическое, безсознательное, безотчетное, непровѣренное и безконтрольное *самовнушеніе*, а рядомъ съ этимъ и ошибочное и иллюзорное самовнушеніе.

5. Фиксирующяяся въ нашемъ сознаніи и созданныя при этомъ мысли, дѣйствія, происшествія, страсти эмоціи, особенно же живые образы, превращающіеся въ галлюцинаціи и принимаемыя за дѣйствительность, невольно отражаются на сужденіи и выводахъ, путемъ смѣшенія ихъ съ дѣйствительными, при чемъ дѣйствительныя обстоятельства видоизмѣняются соотвѣтственно выясненнымъ самовнушеніемъ чувствованіямъ и выводамъ. Отсюда такіе люди живутъ *двойственной жизнью:* подъ вліяніемъ живой истинной дѣйствительности и подъ вліяніемъ ихъ личной, созданной дѣйствительности При этомъ какъ истиная жизнь и дѣйствительность, такъ и созданная ихъ фантзіей жизнь и дѣйствительность равномѣрно и равноцѣнно для нихъ дѣйствительны и реальны. Этимъ путемъ создается *двойственность* мышленія, вывода, сознанія личности, дѣйствій и поступковъ такихъ людей.

6. Мы знаемъ что наша внутренняя жизнь, особенно сопровождающаяся сильными чувствованіями волненіями, эмоціями и страстями почти у всѣхъ людей, ясно и отчетливо отражается на ихъ выраженіи лица, положеніи дѣла и даже дѣйствіяхъ и поступкахъ. Соотвѣтственно переживаемымъ фантазеромъ картинамъ горя, радости и проч. ясно и отчетливо видно, какъ его лицо выражаетъ счастье, радость, блаженство, злобу, отчаяніе, горесть, ярость и проч.,— и въ положеніи человѣка вы видете новую картину соотвѣтствія въ мимикѣ, жестикуляціи и положеніи организма. Часто намъ не нужно словъ, чтобы понять чувства, переживаемыя данными лицами въ его фантастическомъ мірѣ. Всегда при этомъ вы видете размахиваніе руками, угрозы, приманиваніе, возгласы и т. п. Такимъ образомъ *образы и картины фантазіи ясно и отчетливо отражается на выраженіи лица, мимикѣ, жестикуляціи, пластическихъ позахъ и даже на ръчахъ и дѣйствіяхъ.*

7. Не остается безъ вліянія переживаніе образовъ фантазіи и на *растительной жизни* человѣка. Такое переживаніе отражается на сердцѣ и дыханіи. Біеніе сердца, подъ вліяніемъ эмоцій и картинъ фантазіи, то учащается, то замедляется и какъ бы замираетъ. Дыханіе становится учащеннымъ, бурнымъ, порывистымъ,—то напротивъ, замедляется и ослабѣваетъ. Эти люди, въ состояніи своего фантазированія, забываютъ о снѣ, голодѣ, жаждѣ и физическихъ отправленіяхъ. Они могутъ не спать, не ѣсть и не измѣнять своего положенія. Ихъ вазомоторность также подчиняется внутреннимъ импульсамъ; находящіеся въ такомъ состояніи могутъ блѣднѣть, краснѣть, покрываться потомъ, гусинной кожей и проч.

8. Всѣ эти явленія въ организмѣ происходятъ часто частью физіологическимъ путемъ,—частью путемъ безсознательнаго самовнушенія,—и если путемъ внушенія можно производить измѣненія трофическія и питанія, какъ красноту, сыпи, кровотеченія изъ носа и проч., то же самое можно дѣлать и путемъ самовнушенія; поэтому и *тро-*

фическія разстройства могутъ наступать подъ вліяніемъ этого особеннаго состоянія.

9. Отражается жизнь фантазіи и на воспріятіи органовъ чувства. Погружаемые въ себя, живущіе своимъ внутреннимъ міромъ, такіе люди ничего не видятъ, ничего не слышатъ, ничего не ощущаютъ. Ихъ можно окликать, бросать на нихъ лучи свѣта, колоть, жечь и проч.,—и они, при глубокомъ самопогруженіи, на это не реагируютъ въ данный моментъ и ничего не помнятъ въ будущемъ. Всѣ ощущенія стоятъ *внѣ ихъ сознанія*. Въ области воспріятія ихъ органы чувствъ возникаетъ *функціональная анестерія органовъ чувствъ*.

Такое состояніе душевной жизни: внѣ міра, въ мірѣ грезъ, образовъ и картинъ фантазіи, страсти и волненій съ ихъ чрезмѣрнымъ воздѣйствіемъ на отправленія всего организма—носитъ названіе *экстаза*. *Экстазъ*-то *душевное состояніе, въ которомъ человѣкъ отрѣшается отъ всего реальнаго и живетъ картинами фантазіи и воображенія съ высочайшимъ проявленіемъ страсти содѣйствіемъ галлюцинацій и полною нечувственностью въ области органовъ чувствъ*. Вся эта душевная картина сопровождается или оцѣпененіемъ (каталептоидное состояніе) всего организма, если видѣніе болѣе или менѣе несмѣняемо по содержанію,—или измѣненіемъ пластическаго состоянія организма, мимики и жестовъ, соотвѣтственно измѣненію созерцанія,—при чемъ иногда экстатики разражаются неожиданными рѣчами. Это состояніе экстаза часто бываетъ у истеричныхъ и является или однимъ изъ періодовъ приступа, или самостоятольнымъ проявленіемъ. Экстазъ можетъ длиться отъ нѣсколькихъ минутъ, до нѣсколькихъ часовъ, дней, недѣль и мѣсяцевъ, съ небольшими перерывами.

Michea такъ характеризуетъ экстазъ: будучи погружены въ предметъ своего созерцанія, экстатики то бываютъ молчаливы и неподвижны, то говорятъ, поютъ, жестикулируютъ и принимаютъ различныя позы, соотвѣтственно мыслямъ, чувствамъ и образамъ, на которыхъ они сосредоточены въ данный моментъ. Въ болѣе рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ они перемѣщаются. Чувства не дѣйствуютъ, общая чувствительность вполнѣ уничтожена. Кожа сохраняетъ свою теплоту, но иногда конечности холодѣютъ. Чѣмъ больше притупляются чувства и общая чувствительность, тѣмъ ярче становятся образы, тѣмъ сильнѣе они приближаются къ галлюцинаціямъ, въ которыя, наконецъ, и переходятъ. Галлюцинаціи экстатиковъ бываютъ самые разнообразные и находятся въ связи съ ихъ мыслями и образомъ жизни... Все пережитое въ экстазѣ больные часто помнятъ и ясно передаютъ.

Brierre de Boismont различаетъ экстазъ физіологическій и патологическій. Къ физіологическимъ экстатикамъ онъ относитъ пророковъ, мучениковъ, святыхъ, философовъ и многихъ знаменитыхъ людей, экстазъ которыхъ являлся слѣдствіемъ ихъ глубокихъ душевныхъ переживаемыхъ состояній. Къ патологическимъ экстатикамъ онъ относитъ истеричныхъ. Michea Baillarger, Moreau de Tours и другіе признаютъ только одинъ патологическій экстазъ. Bourneville et Regnard описываютъ экстазъ такъ: голова отклонена назадъ, взоръ обращенъ къ небу, выраженіе лица необыкновенно благодушное, испол-

ненное идеальнаго удовлетворенія, шея вытянута и напухша, дыханіе точно замерло. Руки, скрещенныя на верхней части груди, увеличиваютъ сходство съ изображеніемъ святыхъ, которое дало намъ художество. Какова бы ни была поза, принятая больной, она сохраняетъ ее въ теченіе десяти, пятнадцати, двадцати и болѣе минутъ. Это состояніе не рѣдко быстро и рѣзко смѣняется эротическимъ. Превращеніе поразительно. Лицо больной искажается и выраженіе его становится циничнымъ. Больная опускается на постель, поднимаетъ рубашку, раздвигаетъ бедра... или же обращаясь къ кому либо изъ присутствующихъ, внезапно наклоняется къ нему и говоритъ: обними меня!.. Дай мнѣ... Возьми меня... вотъ тебѣ моя... И слова эти сопровождаются еще болѣе выразительными жестами... Richet).

Въ другихъ случаяхъ больная передаетъ: она была на небѣ, окруженная ослѣпительнымъ сіяніемъ. Всюду она видѣла маленькихъ святыхъ, стриженыхъ барановъ, блестящіе изумруды, рисунки, картины, звѣзды всевозможныхъ цвѣтовъ... У Господа длинные кудрявыя волосы, большая борода... Онъ красивъ, великъ, мощенъ, весь сіяетъ золотомъ. Пресвятая дѣва въ золотомъ облаченіи. Господь говорилъ съ нею, но она не можетъ припомнить его слова. Она была до того взволнована, что не въ состояніи была отвѣчать ему (Richet).

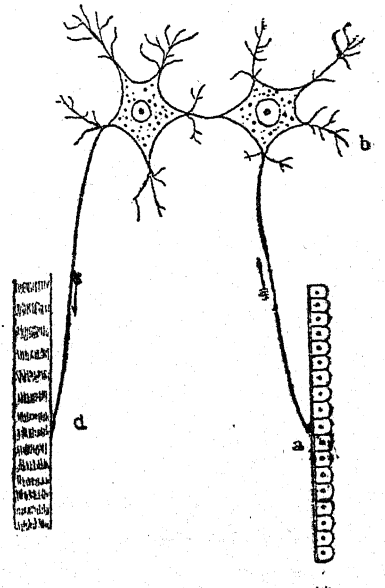
Наилучшимъ примѣромъ экстаза могутъ служить экстатичные больные, которыхъ было особенно много въ XVIII и началѣ XIX вѣка. Извѣстны они были подъ именемъ стигматиковъ.

V

Двигательная область.

Всѣ наши движенія дѣлятся на два большихъ отдѣла: простѣйшія или рефлекторныя движенія и болѣе сложныя произвольныя движенія, дѣйствія и поступки.

а. *Рефлекторныя движенія.* Рефлекторными или отраженными движеніями называются сокращенія группъ мускуловъ, движенія, происходящія подъ вліяніемъ простого раздраженія соотвѣтствующаго мѣста кожи, безъ участія въ томъ движеніи нашего сознанія.



Напр., совершенно неожиданно для меня, меня колетъ въ руку, я моментально отдергиваю руку. Это и есть рефлексъ. Прослѣдимъ его путь. Колятъ булавкой кожу моей руки. Получается раздраженіе чувствительныхъ нервовъ кожи. Это раздраженіе нервовъ верхней конечности доносится до заднихъ корешковъ и черезъ нихъ проникаетъ въ сѣрое вещество заднихъ роговъ спиннога мозга. Здѣсь въ одномъ изъ нейроновъ образуется ощущеніе боли. Это ощу-

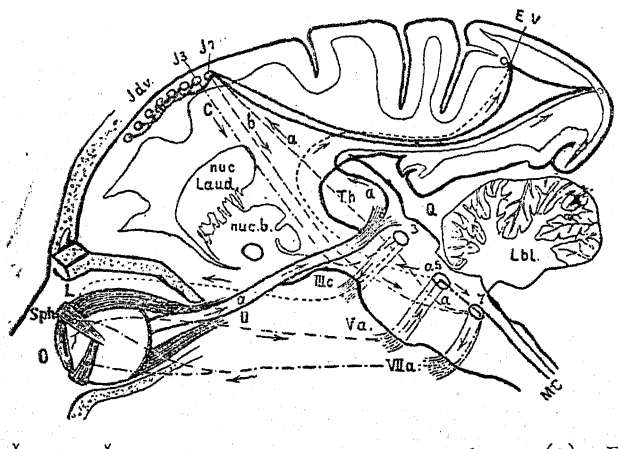
щеніе, при помощи соединительныхъ путей между нейтронами заднихъ и переднихъ роговъ, передается одному изъ нейроновъ переднихъ роговъ, завѣдующему группой мышцъ верхней конечности. Въ немъ возникаетъ повеленіе о сокращеніи мускуловъ верхней конечности. Повеленіе передается по нервумускуламъ верхней конечности. Мускулы сокращаются, получается движеніе. Рука отдергивается и избавляется отъ непріятнаго ощущенія боли. Это и есть рефлексъ.

Но этимъ дѣло не ограничивается. Изъ точки образованія болевого ощущенія, раздраженіе по проводнику второго порядка поднимается къ подкорковому мозгу, проникаетъ черезъ мозговую чашку къ своему подлежащему центру сознанія въ мозговой коркѣ. Тамъ полученное сознательное ощущеніе боли вызываетъ одно изъ двухъ: или побужденіе удержать руку подъ болью, или удалить ее отъ касающагося предмета. Въ первомъ случаѣ дается повеленіе мускуламъ не сокращаться и держаться прежняго повеленія,— во второмъ—сократиться и отдернуть руку. Эти два пути будутъ уже служить для проявленія волевого или произвольнаго движенія и будутъ и гораздо сложнѣе и гораздо длительнѣе, чѣмъ простѣйшее отраженное или рефлекторное движеніе.

Но при этомъ возникаетъ еще и третье явленіе. Появившаяся отъ укола боль, вызвала невольное, рефлекторное сокращеніе мускуловъ. Это сокращеніе, отдергиваніе, также сопровождается въ нашемъ сознаніи чувствомъ мускульнаго движенія и является сознательнымъ ощущеніемъ въ подкорковыхъ центрахъ и превращается въ опредѣленное представленіе въ корковыхъ центрахъ.

Такой простой уколъ вызываетъ три явленія: простой рефлексъ, произвольное движеніе и представленіе о двигательномъ процессѣ въ верхней конечности.

Возьмемъ случай сложнѣе. Къ глазу ребенка подносится колючій инструментъ. Ребенокъ еще не знаетъ, что это такое, почему съ улыбкой допускаетъ его къ глазу. Спустя нѣкоторое время вновь подносятъ тотъ же инструментъ къ глазу ребенка. Ребенокъ увидѣлъ его и моментально захлопнулъ вѣки, не допустивъ инструментъ до глаза. Ясно, послѣднее было сдѣлано по опыту и памяти.



Разберемъ оба случая.

Ребенокъ видитъ подносимый колющій инструментъ. Впечатлѣніе, полученное на сѣтчаткѣ глаза, по зрительному нерву (a), передается подкорковому центру зрительнаго чувства Th, а оттуда въцентръ зрительныхъ представленій затылочной дольки (3D).

Второе дѣйствіе—уколъ слизетой. Это яленіе въ видѣ боли по вѣточкѣ периферическаго нерва передается центру этого нерва въ Вароліевомъ мосту. Послѣдствіе этого раждраженія двоякое: 1-емоментальная, безсознательная, рефлекторная, при помощи дендритовъ, передача раздраженія двигательному центру лицевого нерва и захлопываніе глаза по пути, — и 2, болевое ощущеніе передается центру сознанія и образуетъ тамъ представленіе о болевомъ раздраженіи. Такимъ образомъ въ затылочной области одновременно возникаютъ представленія колющаго инструмента и представленіе боли. И то и другое сочетаются вмѣстѣ и образъ колющаго инструмента дополняется тѣмъ, что онъ даетъ боль.

Для такого сочетанія служатъ ближайшіе соединительные пути. Но рядомъ съ этимъ въ сознаніи возникаетъ еще одно представленіе—замыканіе глаза вѣками. Оно образовалось такъ: мускульное раздраженіе и ощущеніе изъ центра по мышцѣ направляется къ корковому центру въ центральной долкѣ, гдѣ образуетъ двигательное представленіе о захлопываніи глаза. Этотъ же центръ сочетательными комиссуріальными волоками состоитъ въ соединеніи и съ зрительными центрами представленій и съ болевыми.

Въ второмъ случаѣ ребенокъ видитъ колючій инструментъ вновь. Представленіе объ этомъ инструментѣ у него уже есть; но оно тѣсно связано съ представленіемъ о боли, а то и другое представленіе о двигательномъ актѣ, отстраняющемъ глазъ отъ болевого ощущенія: Отсюда такое послѣдствіе: прежде чѣмъ производится колючимъ инструментомъ боль, глазъ моментально, по волѣ знакомаго уже съ болью ребенка, захлопывается. Такимъ образомъ въ первомъ случаѣ чисто операціонный, рефлекторный актъ, во второмъ превращается въ сознательный и произвольный.

Такимъ образомъ вторичное явленіе, сознательное явленіе, имѣетъ въ основѣ своей явленіе первичное. И наоборотъ, первичное или рефлекторное является основнымъ для вторичныхъ, сознательныхъ и произвольныхъ движеній.

Рефлекторное движеніе начинается въ конечномъ отдѣлѣ органа чувствъ, проводникомъ доводится до перваго центра, отсюда же вторымъ проводникомъ направляется опять къ периферіи. Это есть кратчайшій путь для воздѣйствія, составляя первую часть проводниковой системы. Тѣмъ самымъ это будетъ и самый кратчайшій путь и по времени его теченія.

Близко къ простымъ рефлексамъ стоятъ рефлексы страстные и эмоціонные. Вамъ нанесли оскорбленіе и вы моментально даете пощочину, прежде чѣмъ вы успѣли сознать, что произошло и что вашъ актъ далеко не симпатичный. Вы видите, какъ на трапеціи въ циркѣ человѣкъ летитъ внизъ и у васъ моментально внезапно раздается крикъ ужаса, хотя вы знаете, что онъ упадетъ на сѣтку. Таковы внезапные и безсознательные порывы и поступки бываютъ въ состояніи ужаса, гнѣва, ярости, радости, тоски и т. п. Всѣ эти проявленія будутъ внезапны, безсознательны и очень порывисты. Это будутъ въ полномъ смыслѣ слова рефлексы, но только имѣющіе своими толчками, исходными пунктами, импульсомъ не простое раздраженіе и ощущеніе,

а воздѣйствіе чувства, страсти, эмоціи и т. д. Своимъ центромъ они будутъ имѣть не первыя центральныя станціи, центры ощущенія, а вторыя, подкорковые узлы, центры чувствованія, страстей и проч. Бываютъ случаи, что они проявляются при такомъ сильномъ напряженіи страсти (гнѣва, ярости и проч.), что сознательная область бываетъ при этомъ вполнѣ подавлена и въ сознаніи и памяти остается, или только самое смутное воспоминаніе,—въ сознательныхъ центрахъ остается весьма неясный слѣдъ и отпечатокъ,—или же въ сознаніи не бываетъ даже никакого слѣда, а, слѣдовательно, и воспоминанія.

Все дѣло ограничивается возникновеніемъ сильной страсти и послѣдующимъ аффектомъ, какими-нибудь сильнѣйшими взрывами буйства и разрушенія. Въ этихъ случаяхъ дѣло ограничивается проявленіемъ подкорковыхъ узловъ, безъ того, чтобы отсюда произошла сигнализація въ корковые центры сознанія.

Произвольныя движенія, дѣйствія и поступки. Наша душевная жизнь состоитъ изъ двухъ чрезвычайно сложныхъ и богатыхъ проявленіями областей: мыслительной и чувствительной. Въ первой сотни тысячъ и милліоновъ представленій, понятій, знаній, свѣдѣній и т. п.,—во второй такое же обиліе чувствованій, желаній, побужденій и страстей. При возникновеніи въ нашемъ сознаніи того или другого вопроса, мы приводимъ всѣ имѣющіяся у насъ свѣдѣнія въ прошломъ о пользѣ или вредѣ этого дѣла,—о правильности или неправильности, о необходимости и неизбѣжности или незначительности и ничтожествѣ. Все это взвѣшивается, сопоставляется, сравнивается, подсчитывается и т. д. Словомъ, происходитъ множество сопоставленій и играетъ процессъ сочетанія съ различными запасными слѣдами и представленіями. Вся эта разсудительная сторона составляетъ процессъ сужденія.

Но рядомъ съ этимъ выступаетъ воздѣйствіе чувствъ и желаній. Принимается во вниманіе пріятное, или непріятное,—симпатичное, или не симпатичное,—желательное, или не желательное. Выступаютъ на сцену чувство долга, чувство любви къ ближнему, справедливости, отвращенія, злобы, ненависти и т. д.

И вотъ происходитъ усерднѣйшая и оживленнѣйшая борьба между умомъ и чувствомъ, холоднымъ расчетомъ и симпатіей, „должно“, и „хочу“... Въ огромнѣйшемъ большинствѣ случаевъ перевѣсъ беретъ разсудокъ и чувствованія и желанія подчиняются должно. Правда, и эмоціи оказываюръ свое воздѣйствіе. Они смягчаютъ суровость, или ограничиваютъ слишкомъ мягкое рѣшеніе,—словомъ вліяютъ на рѣшенія въ смыслѣ облагораживанія, или огрязненія вывода холоднаго логическаго рѣшенія.

Только продолжительная борьба, многочисленныя сопоставленія доводовъ разсудка и тяготѣнія чувства даютъ окончательный *выводъ*, который ведетъ къ *рѣшенію*, т. е. къ принятію мѣръ къ осуществленію вывода, а самое проявленіе рѣшенія и будетъ волевой поступокъ, или произвольное дѣйствіе. Такимъ образомъ, едва ли можно говорить о *свободѣ воли*, такъ какъ всякій волевой поступокъ есть только разряженіе рѣшенія, образовавшагося послѣ продолжительной и энергичной борьбы между доводами мышленія и воздѣйствіемъ

чувствованія и страсти. И въ однихъ случаяхъ въ произвольныхъ поступкахъ беретъ перевѣсъ мышленіе, а въ другихъ чувство.

Возьмемъ еще одинъ примѣръ.

Ребенку подносятъ горячую свѣчу. Свѣтъ его ласкаетъ и привлекаетъ вниманіе. Ребенокъ доволенъ и протягиваетъ къ нему ручку и, разумѣется, обжигается. Ребенокъ моментально оттягиваетъ ручку. Спустя нѣкоторое время ребенокъ опять видитъ около себя свѣчу. Одинъ видъ пламени заставляетъ ребенка отдернуть ручку и плакать. Проходятъ десятки лѣтъ. Бывшій ребенокъ теперь исповѣдуетъ религію и всецѣло преданъ ей. Его пытаютъ. Его жгутъ. Но теперь онъ не боится пламени, не отдергиваетъ руки, а съ счастливымъ сознаніемъ кладетъ руку въ огонь.

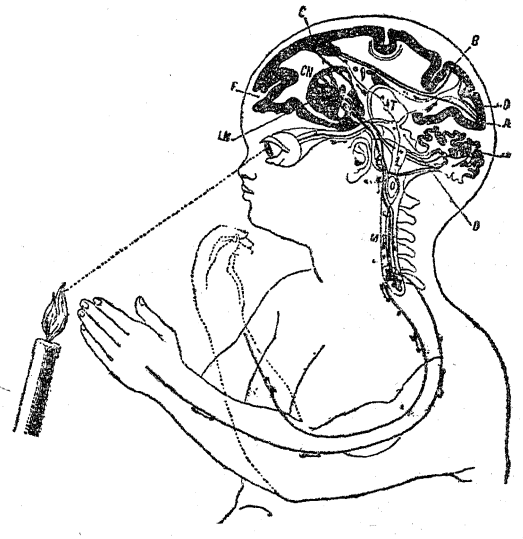


Схема происхожденія сознательнаго движенія руки (по Meynert'y) F Лобный конецъ коры. ccO. Затылочный конецъ. CN. Nucleus caudatus. LN. Nucleus lenticularis hT . Thalamus opticus. D. Средній мозгъ. L. Pons Varolii. O. Oblongata, характеризуемая оливой. M. Medulla spinalis, оканчивающійся поперечнымъ разрѣзомъ шейнаго мозга. cb. Cerebellum. Голубыя линіи означаютъ центростремительные, красныя линіи— центробѣжные пути. Красные и голубые кружки въ спинномъ мозгу и переднемъ мозгу изображаютъ сѣрыя массы, дающія начало волокнамъ. Черныя линіи представляютъ ассоціаціонные пути. 1 а 1. Путь для ощущенія руки. B. Центръ кожныхъ ощущеній. 2. Путь для движенія руки. 3A. Путь зрительнаго нерва. A. Мѣсто зрительнаго центра. 4C. Путь для иннерваціоннаго ощущенія, прерванный въ зрительномъ бугрѣ. C. Мѣсто въ области иннерваціонныхъ ощущеній.

5. Центробѣжный двигательный путь, возникающій въ кругѣ C мозговой коры.

Разберемъ эти случаи.

I. Ребенокъ видитъ пламя свѣчи. Впечатлѣніе отъ сѣтчатки глаза по зрительному нерву передается въ его центръ ощущенія, а оттуда въ центръ зрительныхъ представленій — затылочную долю. Второе ощущеніе — болевое достигаетъ зрительнаго бугра и тамъ производитъ двоякое вліяніе: во 1-хъ вызываетъ рефлексъ для отдерги ванія руки отъ жгучаго пламени, а во 2-хъ даетъ представленіе болевое въ затылочную долю о дѣйствіи пламени свѣчи. Но кромѣ того изъ зрительнаго же бугра подается сигналъ въ центральную дольку о рефлекторномъ сокращеніи верхней конечности. Такимъ образомъ происходитъ сочетаніе зрительнаго образа съ осязательнымъ и мускульными и осязательнаго съ мускульнымъ.

Во второмъ случаѣ одинъ образъ свѣчи, пробуждая зрительное представленіе, въ то же время вызываетъ и связанныя съ нимъ сочетанія. Послѣдствіемъ этого будетъ возбужденіе центра и побужденіе къ произведенію тогосамого защитительнаго движенія, которое въ первомъ случаѣ получилось рефлекторно. Въ данномъ случаѣ

онъ является волевымъ, но оно служитъ повтореніемъ прежняго чисто первичнаго рефлекторнаго акта. Отличіе его отъ этого акта будетъ двоякое: 1, импульсъ къ движенію получился не съ осязательнаго нерва, а съ зрительнаго или, точнѣе, вслѣдствіе сочетанія зрительнаго представленія съ осязательнымъ, — такимъ образомъ этотъ импульсъ получается не извнѣ, не съ периферіи, а изъ центра, — и 2, путь къ движенію будетъ длиннѣе въ этомъ случаѣ, чѣмъ во второмъ.

Въ третьемъ случаѣ импульсомъ является также зрительный образъ—огня. Является также и сочетаніе съ большимъ представленіемъ, но въ дальнѣйшемъ въ кругъ сочетанія входитъ цѣлый рядъ новыхъ представленій, которыя настолько вліяютъ на ходъ сочетаній, что въ заключеніе борьба представленій и чувства боли является не устраненіе отъ жгучаго предмета, а наоборотъ, дѣйствіе совершенно обратное тому, какое слѣдовало бы ожидать по привычному пути,— дальнѣйшее сожиганіе на огнѣ конечности. Если первично рефлекторные акты впослѣдствіи превращаются часто въ произвольные, то бываютъ случаи, когда и произвольные акты, вслѣдствіе постепенной повторности, становятся настолько привычными, что лишаются своей сознательности и становятся автоматическими.

Автоматическими движеніями, рѣшеніями и поступками называются—такіе, кои имѣютъ видъ цѣлесообразности, разумности и даже предумышленности, и тѣмъ не менѣе они совершаются вполнѣ безсознательно. Таковы—наше письмо, танцы, рѣчь и проч. Сколько труда, сколько желаній, сколько времени тратится нами на то, чтобы выучиться писать. А между тѣмъ теперь мы пишемъ, сосредоточивая все наше вниманіе и сознаніе на содержаніе письма, а не на его формѣ. Точно также и танцы. Едва ли кто изъ привычныхъ танцоровъ думаетъ во время танца о томъ, какъ нужно ставить ноги,— и все вниманіе и сознаніе сосредоточивается на разговорѣ. Въ такомъ же положеніи находится и множество другихъ привычныхъ занятій. Всѣ эти дѣйствія прежде были совершенно сознательными и произвольными, но затѣмъ въ силу привычки и повторности, они превращаются въ цѣлесообразныя, но рефлекторныя, Важно то, что сознаніе при этомъ не теряется, но отведено на дѣйствія другія и не контролируетъ дѣйствій привычныхъ.

Близко къ этимъ явленіямъ стоятъ *патологическія* явленія *автоматизма*, какъ это иногда наблюдается у эпилептиковъ, истеричныхъ, алкоголиковъ, послѣ сильнаго нравственнаго и физическаго потрясенія и проч. При этомъ тоже совершаются вполнѣ цѣлесообразныя дѣйствія, но при полномъ отсутствіи сознанія. Одинъ богатый американецъ, пріѣхалъ въ ближайшій городокъ по дѣлу, по желѣзной дорогѣ. На другой день его обвинили въ томъ, что, будучи въ N городкѣ, онъ похитилъ запряжонный кебъ, который стоитъ теперь въ его каретномъ сараѣ, а лошадь съ его лошадьми на конюшнѣ. Оказывается. Выходя отъ своего знакомаго, онъ у дверей нашелъ запряжонный кебъ, сѣлъ въ него, пріѣхалъ домой, приказалъ все убрать, легъ спать и теперь совершенно ничего не помнитъ. Мнѣ по множеству такихъ дѣлъ прнходилось быть экспертомъ, и все это

были преступныя дѣянія, совершенныя безсознательно, но вполнѣ цѣлесообразно и какъ бы съ заранѣе обдуманною цѣлью—въ состояніи патологическаго автоматизма.

Къ тому же отдѣлу движеній, дѣйствій и поступковъ слѣдуетъ отнести *сомнамбулизмъ* и *лунатизмъ*, когда больные совершаютъ хожденія по такимъ труднымъ и опаснымъ мѣстамъ, по которымъ тотъ же человѣкъ въ бодрственномъ состояніи никоимъ образомъ не рѣшится ходить. Между тѣмъ онъ дѣйствуетъ при помощи своихъ подкорковыхъ узловъ, безсознательно, такъ какъ корковые центры, центры сознанія въ это время спятъ, т. е. выведены изъ активной области. Въ этомъ состояніи совершается также не малое число преступленій и преступленій, не рѣдко, очень жестокихъ!..

Къ этому же отдѣлу должно отнести и дѣянія, совершенныя подъ вліяніемъ *гипнотическаго внушенія*, когда, при выведеніи изъ круга дѣйствія сознанія даннаго лица, ему внушается вполнѣ разумный, цѣлесообразный, какъ бы сознательный и предумышленный поступокъ, который безусловно совершается даннымъ лицомъ, какъ бы по своему желанію и рѣшенію.

На срединѣ между автоматическими и произвольными поступками стоятъ процессы растительной жизни: дыханіе, отправленія мочевого пузыря, прямой кишки и проч. Всѣ они совершаются независимо отъ нашего сознанія, своими собственными центрами,—но нашею волею, нашимъ сознаніемъ мы можемъ задерживать ихъ, ускорять и останавливать.

Даже дѣятельность сердца въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ подчиняться волѣ. Я зналъ человѣка, который въ теченіе минуты могъ доводить удары сердца изъ 76 на 140 и 38. Но такіе случаи рѣдки. Хотя никому не покажется страннымъ, что наше сердце часто подчиняется нашимъ чувствамъ и эмоціямъ. Достаточно припомнить, что подъ вліяніемъ страха, радости и проч. сердце такъ учащаетъ свои удары, что готово „вырваться“,—а въ состояніи грусти, печали и ужаса онъ какъ бы останавливается и какъ бы замираетъ.

Стереотипныя дѣйствія—движенія, имѣютъ видъ цѣлесообразности и разумности, но производимыя очень продолжительно, безсознательно и неумѣстно. Эти явленія нерѣдко наблюдаются у душевно больныхъ (кататонія) въ видѣ особенныхъ позъ, гримасъ, маханій рукой, повторенія однихъ и тѣхъ же фразъ и т. д.

Насильственныя движенія состоятъ въ совершеніи дѣйствій и поступковъ неудержимо, по внутреннему велѣнію, при полномъ сознаніи ихъ вреда, отвратительности и даже преступности. Такія дѣйствія также наблюдаются у душевно больныхъ. [1])

Импульсивныя движенія состоятъ въ совершеніи дѣйствій и поступковъ, имѣющихъ своимъ побужденіемъ чувствованія, влеченія и страсти. Таковы импульсивныя явленія самоубійства, убійства, поджога, бродяжничества, полового побужденія и т. п.

---

*) См. *Проф. П. И. Ковалевскій.* Судебно-психологическіе очерки, 1900.

[1]) *Проф. П. И. Ковалевскій.* Душевныя болѣзни.

Разсматривая исторію развитія двигательныхъ проявленій у каждаго даннаго лица, мы не можемъ не замѣтить, что въ младенческой жизни каждаго изъ насъ существуютъ только рефлекторныя движенія, имѣющія мѣсто въ первомъ отдѣлѣ проводниковыхъ путей,—затѣмъ съ теченіемъ времени къ нимъ присоединяются высшіе рефлексы, чувственные и эмоціонные, находящіе свое оправленіе во второмъ отдѣлѣ проводниковыхъ путей и въ подкорковыхъ центрахъ, и, наконецъ, только въ послѣдствіи начинаютъ проявляться сложныя, сознательныя и произвольныя движенія.

Совершенно параллельно съ этимъ идетъ и развитіе отдѣльныхъ частей нервной системы ребенка. Эмбріологическія изслѣдованія проф. Бехтерева, Flechsit'a и др. показали, что у ребенка сначала развиваются и бываютъ годны къ дѣятельности пути, проводящіе рефлекторные акты и только позже развиваются и совершенствуются проводящіе пути произвольныхъ движеній. Точно также изслѣдованія проф. Тарханова, Soltman'a и друг. показали, что появленіе большихъ пирамидальныхъ нейроновъ въ области центральной дольки (центровъ произвольныхъ движеній) значительно запаздываетъ, соотвѣтственно позднѣйшему появленію у ребенка сложныхъ движеній и произвольныхъ дѣйствій и поступковъ.

Такъ, появленіе волевыхъ поступковъ или произвольныхъ движеній наступаетъ тогда, когда у даннаго лица достаточно накопляются чувства и знанія и путемъ взаимосоотношенія создаютъ волевыя рѣшенія.

Итакъ, что же такое *воля*?

Раньше мы видѣли, что появленію рѣшенія для производства волевыхъ или произвольныхъ поступковъ предшествуетъ значительная борьба мышленія и чувства, разсудка и эмоцій. Конечный выводъ изъ этой борьбы ведетъ къ рѣшенію, а рѣшеніе воздѣйствуетъ на производство поступковъ и дѣйствій. Такимъ образомъ для воли тутъ ничего ни самостоятельнаго, ни свободнаго. Терминъ воля относится къ извѣстному акту и процессу.

Воля—это равнодѣйствующая двухъ душевныхъ силъ—мыслительной и чувственной. Если обѣ силы стремятся къ одному конечному пункту, она будетъ суммировать эффектъ и разряженіе рѣшенія обоихъ этихъ силъ,—если они идутъ въ различныхъ направленіяхъ—она ихъ діагональ, при чемъ въ однихъ случаяхъ она приближается въ сторону одного, въ другихъ же—въ сторону другого, смотря по напряженности того или другого фактора.

Намъ остается коснуться еще одного интереснаго явленія въ нашей душевной жизни. Въ нашемъ мышленіи, въ сознательной области въ каждый моментъ жизни чрезвычайно большое количество знаній, свѣдѣній, представленій, образовъ и т. д. Однако, мы живемъ не всѣми ими сразу, а только однимъ какимъ-либо. Затѣмъ по мѣрѣ надобности мы вызываемъ къ жизни тѣ или другія представленія и пожеланія, а остальныя находятся въ какомъ то полусонномъ состояніи. Иначе, въ активномъ или дѣятельномъ состояніи находится не весь запасъ или архивъ нашихъ знаній, а только часть

ихъ,—а остальныя находятся въ состояніи скрытомъ или латентномъ.

Представляя наши запасы свѣдѣній въ видѣ архива, мы видѣли, что одни изъ этихъ отдѣленій освѣщены и въ нихъ работаютъ, а другіе находятся во тьмѣ и покоѣ. Нужно намъ изъ какого-нибудь покойнаго отдѣла получить свѣдѣнія, мы нажимаемъ электрическую кнопку, освѣщаемъ отдѣленіе и получаемъ требуемыя данныя. Не нужно намъ ихъ, мы кнопку отпустили, все погрузилось во мракъ и все пребываетъ въ покоѣ.

Что же это за смѣны дѣятельности и покоя, освѣщенія и потемнѣнія,—и чѣмъ они обусловливаются? Мозгъ, какъ правильно выразился Charcot, представляетъ собою федерацію, въ смыслѣ разнообразія и въ то же время гармоніи отправленій. Въ каждый данный моментъ жизни работаетъ то одна, то другая часть этой федераціи. Если мы возьмемъ въ соображеніе одну мыслительную область, то и здѣсь насъ поражаетъ извѣстная цѣлесообразность, гармонія и единство. Между тѣмъ всѣ центры высшей нервной (душевной) дѣятельности заложены въ коркѣ, расположенной въ видѣ плоскости. Питаніе этого органа совершается сосудами мягкой мозговой оболочки, при чемъ каждый изъ нихъ до нѣкоторой степени является обособленными, питаетъ только свой небольшой участокъ мозговой корки, представляетъ свою самостоятельную артеріальную систему и не находится въ сообщеніи (анастомозѣ) съ сосѣдними артеріальными областями. Такое анатомическое распредѣленіе артерій служитъ объясненіемъ тому, что мозгъ можетъ работать въ одно время не всѣми своими участками, а только нѣкоторыми, чѣмъ онъ выдѣляется изъ группы прочихъ органовъ нашего организма.

Естественно, что состояніе мозга—дѣятельное и не дѣятельное, или покойное,—обусловливается большимъ или меньшимъ притокомъ къ нейронамъ питательнаго матеріала (Fechner). Такимъ образомъ устанавливается тѣсная связь между нейронами и органами питанія или крови.

Обычно притокъ крови, какъ питательнаго матеріала, къ нейронамъ не великъ, только такой, чтобы нейроны были живы и не умерли. Въ связи съ этимъ и объемъ артеріальныхъ тончайшихъ сосудовъ (капилляровъ) не великъ,—они съужены и держатся нервами сосудосжимателями въ замкнутомъ состояніи. Но вотъ намъ нужно, чтобы данный участокъ корки далъ намъ свѣдѣнія.

Отъ дѣйствующаго участка по сочетательнымъ путямъ данъ приказъ освѣтить требуемый участокъ. Освѣтить значитъ дать ему больший притокъ матеріала для болѣе сильнаго его питанія. Для того же требуется, чтобы питающій этотъ участокъ артеріальные капилляры расширились и снабдили большимъ притокомъ крови. Напряженіе вазомоторовъ, т. е. сосудодвигателей, уменьшается, притокъ крови увеличивается, питаніе группы нейроновъ становится богаче, группа освѣщается и приводится въ дѣятельное состояніе. Она работаетъ. Она даетъ сознательную душевную жизнь въ связи съ тѣмъ центромъ, который путемъ сочетательныхъ путей призвалъ ее къ жизни. Но вотъ, все, что отъ нея нужно, получено. Свѣтъ погасаетъ. Притокъ

ихъ отравленій вновь направлена на вазомоторы, которые опять сжи-
питательнаго матеріала уменьшился. Энергія питанія нейроновъ и
мають артеріальные капилляры настолько, чтобы отпускать питатель-
наго матеріала нейронамъ количество нужное только для ихъ суще-
ствованія.

Такимъ образомъ, въ каждомъ мозговомъ участкѣ въ каждый данный моментъ жизни его, существуетъ извѣстное количество нервной энергіи, которая имѣетъ двоякое назначеніе: 1. дѣйствовать на вазомоторы артеріальной системы и 2, служитъ отправленію нейроновъ Въ скрытомъ покойномъ состояніи нейроновъ эта энергія направлена на служеніе сосудовъ,—въ дѣятельномъ состояніи она направлена на питаніе и отправленіе нейроновъ. Въ данномъ случаѣ, тѣмъ болѣе ясно представляется единство мировой энергіи, которая въ моментъ покоя нейроновъ имѣетъ форму чисто физіологическую, а въ моментъ питаніе превращается въ форму энергіи психологической. На это явленіе перевода физіологической въ психологическую фазу обратилъ особенное вниманіе Др. Краинскій., [1])

Проф. Meynert полагаетъ, что процесъ душевной и процесъ возомоторной въ корковой области находятся въ обратномъ отношеніи: усиленная дѣятельность вазомоторная (съуженіе сосудовъ) имѣетъ послѣдствіемъ новый притокъ крови къ нейронамъ и недѣятельное ихъ состояніе,—усиленная дѣлительность нейроновъ сопровождается ослабленными напряженіями вазомоторовъ, при чемъ сосуды растворяются (функціональная гиперемія Meynert'a), притокъ крови увеличивается,—увеличивается и самая дѣятельность нейроновъ.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ объ отношеніи души къ тѣлу. Представленіе, что душа есть нѣчто чуждое тѣлу, нѣчто постороннее,—жилецъ, нанимающій квартиру;—все больше и больше отживаетъ свой вѣкъ. Тѣсная связь между ними у каждаго изъ насъ на глазахъ. Особенно это бываетъ ясно, если мы припомнимъ, что на свѣтѣ есть душевно больные: меланхолики, маніаки, паралитики, эротоманы, идіоты и т. п.

Спрашивается, что же у меланхолика страдаетъ—душа или тѣло? И почему это несчастному человѣку дается эротоманическая, или нимфоманическая душа? Чѣмъ виновато несчастное существо, что ему отъ природы дается душа идіота, существа скотоподобнаго, часто стоящаго ниже собаки,—живущаго только растительною жизнью. Имъ скажутъ на это: да, это правда, несправедливость,—но страдаетъ—то тутъ не душа, а тѣло. Идіотскою представляется не душа, всегда чистая и прекрасная, а ея органъ отъ рожденія такъ плохо бываетъ устроенъ, что несчастная душа по неволѣ должна страдать въ этой идіотской квартирѣ... Тогда невольно является вопросъ о справедливости...

---

[1]. *Н. В. Краинскій* Энергетическая психологія.

Безчисленное множество подобныхъ вопросовъ насъ ни убѣдятъ, ни разубѣдятъ... Для насъ важна тѣсная связь между душою и растительною жизнью человѣческаго тѣла. Разстройство кровообращенія и дыханія вліяютъ на душевныя отправленія, а усилія воли и различныя эмоціи отражаются на отправленіяхъ сердца и легкихъ. Страданія желудка и плохое отправленіе кишечника создаютъ самоотравленія организма и вмѣстѣ съ тѣмъ душевной жизни... Желтуха и уремія даютъ полныя картины душевныхъ ненормальностей. Не станемъ говорить о половыхъ воздѣйствіяхъ и т. п.

Но есть сторона жизни, которая на первый взглядъ представляется далекою отъ души—это питаніе организма. Весь нашъ организмъ состоитъ изъ органовъ, а каждый органъ изъ отдѣльныхъ клѣтокъ, единицъ, самостоятельныхъ организмовъ. Каждая микроскопическая клѣтка печени, почки, нейронъ, кожи, слизетой и т. д. живетъ своей собственною самостоятельною жизнью, несомненно имѣетъ свою собственную душу, имѣетъ свой срокъ бытія, рождается и умираетъ,—и, безъ сомнѣнія, питается. Что общаго между нашею душою и ея органами и этими отдѣльными микроскопическими организмами? Повидимому, ничего. Они себѣ живутъ сами по себѣ. Рождаются (отдѣляются), мы незнаемъ этого,—умираютъ—опять ихъ дѣло. Они назначены служить намъ. Это наши прирожденные рабы и намъ до нихъ нѣтъ никакого дѣла... Такъ ли?

Когда мы обычно въ сутки теряемъ съ поверхности нашей Сотни тысячъ эпедерииса—этого мы не замѣчаемъ; но когда при ушибѣ стираются милліарды этихъ клѣтокъ, образуется ссадина—намъ больно. Больно становится тогда, когда нарушаются обычныя и правильныя отправленія органа нашего организма; но что сталось съ милліардомъ его составныхъ частей—насъ мало интересуетъ.

Между тѣмъ въ нашемъ организмѣ существуетъ домовая контора, которая вѣдаетъ счетъ и ведетъ питаніе всѣхъ этихъ милліардовъ микроскопическихъ организмовъ, составляющихъ наше тѣло. Эта домовая контора снабжаетъ каждую клѣтку надлежащимъ, количественно и качественно, матеріаломъ и поддерживаетъ его жизнедѣятельность. Болѣзненныя измѣненія въ этой конторѣ, болѣзненно отражаются на микроскопическихъ организмахъ, на ихъ отправленіи, на отправленіи того органа, въ составъ котораго они входятъ и даже на всемъ нашемъ организмѣ, слѣдовательно и на нашей душѣ. Такою домовою конторою служатъ клѣтки передняго сѣраго вещества спинного мозга.

Такимъ образомъ наша душевная жизнь и бытіе и жизнь этихъ микроорганизмовъ очень очень далеко отстоятъ они насъ. А тѣмъ не менѣе наша душа, наши чувствованія, наши эмоціи, наши мысли тѣсно связанныя съ эмоціями могутъ вліять и на эти отдаленныя, намъ чуждыя клѣточныя единцы.

Извѣстно, что въ состояніи гипноза или искуссвеннаго сна можно производить человѣку внушеніе. *Внушеніе есть насильственное внѣдреніе въ покоренное или подавленное сознаніе чуждаго человѣку ощущенія, представленія, понятія, желанія, чувствованія* и т. п.

Такое внушеніе можно сдѣлать въ гипнотическомъ состояніи, но можно сдѣлать и въ бодрственномъ состояніи.

Рядомъ съ внушеніемъ стоитъ *самовнушеніе,* когда человѣкъ самъ себѣ внѣдряетъ какое-нибудь представленіе, несуществующее и нелѣпое, какъ существующее и разумное,—причемъ за внушеніемъ онъ вѣритъ его дѣйствительности и считаетъ его разумность. Такое самовнушеніе наблюдается преимущественно у людей нервныхъ, неврастениковъ, истеричныхъ и проч.

И вотъ замѣчительное явленіе—путемъ внушенія въ гипнозѣ можно вызвать въ организмѣ внушаемаго измѣненія чисто растительной жизни. Можно производить эти явленія въ состояніи гипноза, но можно ихъ производить и въ бодрственномъ состояніи.

Въ 1840 году италянскій врачъ Prejalmini приложилъ на болящее мѣсто сомнамбулы бумажку, заявляя ей въ усыпленномъ состояніи, что на томъ мѣстѣ у нея нарветъ мушечный пузырь,— пузырь образовался и просуществовалъ 10—12 дней. Въ 1884 г. Mennier разрѣзалъ мушку пополамъ и приложилъ на симметричныя мѣста, при чемъ заявилъ, что одна изъ накладокъ настоящая мушка и подъ нею нарветъ пузырь, а другая не мушка и подъ нею ничего не будетъ. Спустя 8 часовъ на названномъ мѣстѣ мушка нарвала, а на другомъ—нѣтъ. Forel, Beaunts, Meyrs и др. по приказанію и внушенію вызываютъ на опредѣленныхъ мѣстахъ красноту. А. А. Токарскій, В. М. Бехтеревъ и другіе вызываютъ пузырную сыпь и пузыри. Bourn и Bureou путемъ внушенія вызываютъ кровотеченія и кровотечные мѣста на кожѣ и слизистыхъ оболочкахъ. Я лично у истеричной, путемъ внушенія, вызвалъ на тѣлѣ припухлость (формы и характера—по моему усмотрѣнію), появленіе пузырей и кровотечность на указанныхъ мною мѣстахъ.

Все это явленія, относящіяся къ области питанія и представляютъ собою разстройства питанія или трофическія разстройства, развившіяся путемъ внушенія.

Если подобныя явленія могутъ производиться путемъ внушенія то тоже самое можетъ быть произведено и самовнушеніемъ. Жизнь служитъ тому доказательствомъ. Въ XVIII и XIX столѣтіяхъ въ католическомъ мірѣ появились стигматики—такія фанатизированныя дѣвушки, которыя, при страстномъ желаніи состраданія страданіямъ Христа, получали появленіе кровавыхъ пятенъ и кровотеченія на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ былъ пригвожденъ Христосъ на крестѣ, а также на мѣстѣ терноваго вѣнка и прободенія копіемъ. Всѣ эти явленія развивались по пятницамъ и служили выраженіемъ чрезвычайно сильнаго самовнушенія.

Я позволю себѣ привести одинъ подобный примѣръ.

Анна Катерина Эммерихъ родилась 8 сентяря 1774 г. въ Пруссіи. Родители ея бѣдные, невѣжественные, но честные крестьяне. Съ перваго дѣтства Екатерина проявила даръ ясновидѣнія (?): она часто видѣла возлѣ себя своего ангела хранителя,—святыхъ, приходившихъ брать у нея вѣнки, сплетенные въ честь ихъ,—неоднократно видѣла Богородицу въ образѣ прекрасной женщины, ласкавшей и поучав-

шей ее. Кромѣ того, ея взорамъ представлялись живыя картины изъ священной исторіи.

Становясь старше, Катерина проявила новый даръ: *ощупью руки она могла отличать святое отъ несвященнаго,* доброе отъ злого, полезное отъ вреднаго. Съ великимъ самоотверженіемъ она ухаживала за больными. Добродушіе и милосердіе Екатерины не знали предѣловъ. Входя въ годы, Екатерина становилась все болѣе и болѣе *воздержанной во всемъ.* Количество принимаемой ею пищи едва хватало для поддержанія ея силъ. Спала она на голыхъ доскахъ, сложенныхъ крестомъ. По ночамъ уходила въ поле и тамъ подолгу молилась. Не смотря на хрупкость ея тѣлосложенія и особенности ея организма, Екатерина усердно трудилась и исполняла всѣ полевыя работы наравнѣ со всѣми сверстницами крестьянками, при чемъ никогда не упускала случая услужить всѣмъ и каждому. Скромность и смиреніе составляли отличительныя черты ея характера. У Екатерины всегда было одно желаніе сдѣлаться монахиней. Путемъ *предчувствія и пророческихъ сновидѣній,* она предупреждала о предстоящихъ ей непріятностяхъ, препятствіяхъ, борьбѣ и проч... На 24 году Екатерина получила отъ Бога небесную милость. Вотъ ея разсказъ объ этомъ.

Это было въ 1798 г. въ Койсфельдѣ, въ 12 ч. дня. Я зашла въ капеллу и, ставши на колѣни передъ распятіемъ, горячо молилась. Рядомъ съ мною молилась одна моя подруга. Вдругъ вижу, что изъ дарохранительницы съ со святыми дарами, стоявшей на престолѣ, вышелъ Спаситель во образѣ свѣтозарнаго человѣка. Въ обѣихъ рукахъ Онъ держалъ по вѣнку: одинъ изъ цвѣтовъ, другой изъ терновика. Онъ подалъ мнѣ ихъ оба на выборъ. Я указала на терновый. Тотчасъ Спаситель надѣлъ мнѣ его на голову, а я его укрѣпила. Видѣніе исчезло,—но въ ту же минуту я почувствовала *острую боль вокругъ головы.* Въ это время я должна была выйти изъ капеллы. По дорогѣ къ дому я спросила подругу: видѣла ли она что нибудь?.. Оказалось,—нѣтъ. Но мое сообщеніе не удивило ее, потому что она привыкла къ моимъ сообщеніямъ о посѣщающихъ меня видѣніяхъ. На другой день у меня оказалась *сильная опухоль на лбу и на вискахъ,* а вчерашняя боль усилилась. Съ тѣхъ поръ эта боль и сопровождающееее раздраженіе на лбу стали у меня часто повторяться. Но крови на этомъ мѣстѣ я долго не замѣчала, пока одна изъ подругъ не указала мнѣ на *кровавое пятно на моей головной повязкѣ.*

Черезъ четыре года послѣ этого Екатерина 13 ноября 1802 г. поступила въ Августинскій монастырь. Монахини не взлюбили ее, укоряли бѣдностью и необразованностью, оскорбляли низкими подозрѣніями, называли ханжой и лицемѣркой. *Прозорливость* Екатерины, читавшей тайные помыслы и намѣренія въ сердцахъ монахинь, заставляли ихъ чувствовать неловкость въ ея присутствіи и вызывали обвиненіе въ шпіонствѣ, подслушиваніи у дверей и проч. За все это монахини преслѣдовали ее злобой, ненавистью и презрѣніемъ. Екатерина несла *свой крестъ* смиренно, безропотно и съ любовью. По цѣлымъ часамъ она стояла на колѣняхъ у креста, молясь за своихъ обидчицъ и прося Бога не карать ихъ, а на нее одну возложить кару за ихъ поступки. Въ монахиняхъ она видѣла оружіе Божіе, направ-

ленное на нее къ ея же благу, а потому не только не сердилась за всѣ ихъ козни, но, наоборотъ, не знала какъ благодарить ихъ, чѣмъ услужить имъ. — и не переставала молиться за нихъ. 13 ноября 1803 года она торжественно произнесла монашескій обѣтъ, приняла постригъ и окончательно была зачислена въ монахини Августинскаго монастыря. Здоровье Екатерины было ослаблено. У нея была болѣзнь сердца. *Частыя и разнообразныя ея заболѣванія приводили въ изумленіи и недоумѣніе врачей.* Они назначали ей дорогія лекарства, но все было напрасно. Самое леченіе вызвало въ ней скорбь и муку.

Однажды Екатерина поѣхала навѣстить своихъ родителей въ Койсфельдъ. Тамъ, стоя въ церкви передъ запрестольнымъ крестомъ она молилась о мирѣ и согласіи сестеръ своего монастыря и въ молитвѣ своей *помянула крестныя страданія Христа.* Вдругъ мысль объ этихъ страданіяхъ такъ взволновала ее, что она усиленно начала молить о томъ, дабы *ей самой испытать хоть часть этихъ страданій.* Вскорѣ она *почувствовала ужасную боль въ ладоняхъ и ступняхъ.* при чемъ лихорадка потрясла ея тѣло. По смиренію своему, Екатерина не подумала даже, что это послѣдствія ея молитвы. Вскорѣ ей пришлось отказаться отъ нѣкоторыхъ работъ, да и *походка ея стала затрудненной* вслѣдствіе болей.

3 декабря 1811 г. Августинскій монастырь былъ закрытъ (въ царствованіи Жерома Бонапарта въ Вестфаліи). Монастырскую капеллу закрыли и монахинь разсѣяли. Екатерина съ привратницей помѣстились въ маленькой комнатѣ въ подвалѣ того дома, гдѣ жилъ священникъ. Никому невѣдомая, бѣдная, тяжко больная жила здѣсь монахиня, вся устремленная душою къ Богу. *Экстазы ея* участились. *Сношенія ея съ духовнымъ міромъ* стали почти непрерывными. Съ юныхъ лѣтъ Екатерина *молила* Бога *запечатлѣть въ ея сердцѣ крестъ,* дабы ни на минуту не забывать ей о ея безпредѣльной любви. Но, молясь такъ, она никогда не думала получить видимый и наружный знакъ креста. 28 августа того же года, въ день св. Августина, Екатерина лежала на своей постели и, сложивши крестообразно руки, молилась въ неподвижности экстаза. Вдругъ она видитъ Спасителя, который правой рукой осѣнилъ ее крестнымъ знаменьемъ. Тотчасъ же у нея на тѣлѣ, въ нижней части сердечной области, появился *крестъ, подобный родимому пятну.* Длина креста равнялась приблизительно тремъ дюймамъ, поперечникъ $^1/_2$ дюма. Послѣ того видѣнія нѣкоторое время Екатерина не замѣчала креста, а удивлялась только *обиліи испарины въ этой части тѣла.* Позднѣе *кожа* надъ крестомъ начала *вздыматься,* по временамъ, *на подобіе волдыря при ожогѣ.* Затѣмъ этотъ волдырь вскрылся и оттуда источалась безцвѣтная жидкость, иногда въ такомъ количествѣ, что смачивала нѣсколько разъ сложную тряпочку, которую она клала на этомъ мѣстѣ.

Спустя нѣсколько недѣль, Екатерина снова увидѣла Спасителя. Онъ подалъ ей маленькій бѣленькій крестикъ, будто восковой. Схвативши крестикъ, она съ любовью прижала его къ своей груди и затѣмъ возвратила. Часа черезъ два послѣ видѣнія, Екатерина пошла гулять. На пути она почувствовала такую жгучую боль въ груди, что упала въ *обморокъ.* Опомнившись уже на постели, куда ее пере-

несли на рукахъ, она замѣтила на груди своей глубокій *отпечатокъ креста краснаго цвѣта*. Съ тѣхъ поръ почти *каждую среду* Екатерина ощущала сильное *жженіе* на груди на мѣстѣ знака. *Затѣмъ подъ кожей изливалась кровь, которая постепенно просачивалась наружу*. Мало по малу кровоподтекъ исчезалъ безслѣдно. Если въ это время Екатерина клала на грудь *кусокъ бумаги* то на немъ *получался отпечатокъ креста, очерченный кровавыми точками. Во всѣ остальные дни*, кромѣ среды, знакъ этого *креста былъ едва замѣтенъ* на тѣлѣ и обрисовывался какъ бы бѣловатыми царапинами. Немедленно послѣ этого видѣнія Екатерина опасно занемогла. Два мѣсяца она была между жизнью и смертью. Она приняла уже всѣ напутствія церкви, но смерть пощадила ее. Зато болѣзнь навсегда приковала ее къ постели. *Стигматы или гвоздныя язвы Христовы* Екатерина получила 29 декабря 1812 г. Это было такъ: сложивши крестообразно руки, она лежала въ постели, вся преданная молитвѣ и *желанію самой на себѣ испытать крестныя страданія Христа*. Въ честь Его язвъ она прочитала пять разъ „Отче нашъ“ и такъ горячо молила Господа дать ей эти страданія, что отъ напряженія лицо ея пылало. Вдругъ съ потолка упалъ лучъ свѣта, разлился по ея комнатѣ и въ центрѣ свѣта она увидѣла Христа на крестѣ. Его гвоздныя язвы сіяли какъ звѣзды. Сердце ясновидицы затрепетало отъ радости и вмѣстѣ отъ скорби. *Ея хотѣніе страданій стало до того энергичнымъ, что ей показалось будто они появились у нея на самомъ дѣлѣ:* она какъ бы прикоснулась къ язвамъ Спасителя, изъ которыхъ въ тотъ же моментъ изошло три яркихъ луча свѣта съ заостренными концами и проникли въ ея руки и ноги; четвертый, болѣе широкій, лучъ такого же краснаго свѣта, имѣвшій на концѣ видъ копья, изошелъ изъ бока Іисуса и проникъ въ бокъ Екатерины. Вмѣстѣ съ этимъ въ тотъ же моментъ *на упомянутыхъ частяхъ Екатерины выступила кровь*. Послѣ этого Екатерина оставалась въ экстазѣ еще нѣкоторое время, а когда пришла въ себя, то очень удивилась, увидѣвъ *кровь и почувствовавъ сильную боль въ боку, рукахъ и ногахъ*. Послѣ стигматизаціи Екатерина почувствовала рѣзкое измѣненіе въ своемъ организмѣ. *Ея кровообращеніе какъ бы измѣнило свой естественный ходъ, такъ какъ казалось, что вся кровь приливала къ стигматамъ*.

Иногда въ дни, посвященные памяти страданій Христовыхъ, Екатерина имѣла *ощущеніе*, какъ бы на *плечахъ ея лежалъ тяжелый крестъ*. Она не могла поднять головы, даже не могла наложить на голову рукъ своихъ. Въ такомъ положеніи она оставалась цѣлые часы, иногда—цѣлыя ночи. Такое состояніе длилось до тѣхъ поръ, пока вокругъ головы ея начинала просачиваться кровь, иногда въ такомъ количествѣ, что обливала ей все лицо и шейный платочекъ,— и иногда появлялась лишь на чепцѣ.

Екатерина скончалась 9 февраля 1824 г. въ 8½ вечера.

Механизмъ воздѣйствія самовнушенія на вазомоторныя и трофическія области слишкомъ теменъ и мало посвященъ. Очевидно, въ данномъ случаѣ главную ролъ играетъ страстное хотѣніе и непреодолимое желаніе сострадания Христу. Такъ какъ эти желанія

длятся недѣлями, мѣсяцами, годами,—проявляются необыкновенно сильно и страстно, сочетаются съ другими воздѣйствіями, въ родѣ продолжительнаго голоданія, длительнаго экстаза, состоянія коталепсіи и проч. то этимъ эмоціоннымъ проявленіямъ не только самовнушенія и самоприказанія постепенно начинаютъ подчиняться и трофическія явленія. Сначала они выражаются въ формѣ мѣстнаго прилива крови. Этотъ приливъ выражается временнымъ мѣстнымъ покрасненіемъ. Это покрасненіе сопровождается усиленнымъ кровообращеніемъ на данномъ мѣстѣ, о чемъ заявили стигматики, нѣкоторыми мѣстными, проходящими признаками, проникновеніемъ серозной жидкости подлежащей ткани,—появленіемъ этой жидкости на поверхности въ формѣ кресты и наконецъ приливомъ крови къ этому мѣсту Замѣчательно то, что это выраженіе крови бывало именно въ тѣ моменты, когда душевная жизнь стигматиковъ находилась въ особенномъ напряженіи экстаза, напр. въ дни страданій Христа и проч., и именно въ тѣхъ мѣстахъ и частяхъ тѣла, кои у Христа подвергались истязаніямъ: лобъ, бокъ, ладонь и ступни. Такое проявленіе тѣсно связано съ напряженіемъ экстаза.

Проф. *П. И. Ковалевскій.*